

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1989

7

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (главный редактор);
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (зам. главного редактора),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (зам. главного редактора), чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (зам. главного редактора), доктор ист. наук Э. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. С. ЗИЯМОВ, доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор фил.-л.-наук Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор экон. наук П. Х. НАСЫРОВ, доктор филос. наук Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (отв. секретарь).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР

Редактор И. А. Маркман
Технический редактор Г. Негмагова

Сдано в набор 11.08.89. Подписано к печати 07.09.89. P03455. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 5,81. Тираж 890. Заказ 185. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан»: УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

...Съезд народных депутатов, а затем и первая сессия избранного им Верховного Совета стали переломными событиями в жизни страны. У нас теперь есть не парадные, а действующие органы народного представительства. Есть всесоюзная трибуна, с которой свободно звучит голос депутатов, выражающих надежды, чаяния и волю всех слоев советского общества. Тем самым заложен надежный фундамент социалистического правового государства, упрочены гарантии необратимости перестройки, созданы надежные политические предпосылки для решения ее ключевой задачи — соединения социализма с демократией.

...Это означает, что политические решения, от которых зависит судьба страны и народа, отныне и всегда будут готовиться, обсуждаться и приниматься не узким кругом лиц, а народными избранниками, не в закрытом порядке, а публично, на глазах у всего общества. И не только на глазах, но и при самом активном участии советских людей. Важнейшим результатом первого этапа политической реформы наряду с конституированием высших органов власти явилось бурное развитие политического сознания советского народа.

Из речи М. С. Горбачева по завершении работы I сессии Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР гарантирует, что в течение нынешней и осенней сессий будут приняты законы, которые обеспечат подлинную самостоятельность и самоуправление трудовых коллективов, право распоряжаться предприятиями и результатами собственного труда, передачу на деле земли крестьянам, обеспечат суверенитет и хозяйственный расчет республик, создадут условия для демократического избрания представителей народа в местные и республиканские органы власти, защиту прав и свобод каждого гражданина. К числу таких законов относятся: законы о собственности, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях, о предприятии, об общих началах руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках, об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства, о профсоюзах, о молодежи, о свободе совести, о печати и информации и другие.

Верховный Совет считает целесообразным по возможности приблизить предстоящие выборы в местные Советы и провести их на подлинно демократической основе, укрепить руководство, твердо продолжать линию на очищение государственного аппарата от неквалифицированных и неспособных работников, сокращение аппарата управления и ликвидацию незаслуженных привилегий.

...Народные депутаты СССР ждут от вас, своих избирателей, от каждого советского человека понимания и поддержки, организованности и добрых дел в этот трудный переходный момент нашей истории.

*Из Обращения к советскому народу
Верховного Совета СССР.*

К Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР

М. Х. КАРИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСПРОПОРЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ УЗБЕКИСТАНА

В последние годы в теории наций и национальных отношений особое внимание уделялось обоснованию необходимости безотлагательно-го решения накопившихся проблем в развитии национальных отношений, выявлению совокупности факторов, способствовавших возникновению негативных явлений в этой области. Исследование данного круга проблем особенно актуально на нынешнем этапе перестройки, когда требуется решительное преодоление негативных последствий застойных лет, в том числе в сфере национальных отношений.

Застойные явления последних десятилетий, характерные для всей страны, проявились в Узбекистане в наиболее острой форме. Так, в годы десятой и одиннадцатой пятилеток темпы роста промышленного производства здесь существенно отставали от темпов роста капитальных вложений и основных производственных фондов¹, фондоотдача снизилась на одну треть, а доля республики в производстве национального дохода практически не увеличилась². Все более остро проявлялись диспропорции между производственной и социальной сферами. Серьезную тревогу вызывали диспропорции в отраслевой занятости населения, низкий удельный вес местных национальностей в составе промышленных рабочих. Эти и другие перекосы и диспропорции, естественно, не могли не сказаться на обострении многих социальных проблем в республике, в том числе межнациональных отношений. Об этом наглядно свидетельствовали и события в Фергане.

Общая беда заключалась в том, что на фоне обмана трудящихся и приписок возобладали административно-командные методы в руководстве экономикой и социальной сферой и вместо принятия должных мер к устранению образовавшихся диспропорций, положение с каждым годом лишь усугублялось.

От ошибок прошлого, пожалуй, больше всего пострадала ведущая отрасль сельского хозяйства республики — хлопководство. Здесь погоня за хлопковым валом, игнорирование научных основ ведения хозяйства, бездумная химизация, хищническое отношение к земле и воде привели к истощению земли, плодородия почв, ресурсов оросительной воды, загнали хлопководство в тупик, нанесли серьезный ущерб окружающей среде, вызвали трагедию Арала; в республике повысилась заболеваемость населения. Одно из главных следствий застойного периода, источник многих острейших проблем в жизни республики — монокультура хлопчатника. Как справедливо отмечалось на мартовском (1989) Пленуме ЦК КПСС, из-за монокультуры в республике

¹ См.: Коммунист Узбекистана. 1986. № 2. С. 17.

² См.: Правда Востока. 1989. 24 февр.

отсутствовал механизм комплексного, пропорционального развития народного хозяйства, а само сельское хозяйство оказалось в кризисном состоянии. «И как результат этого — крайне низкий уровень потребления основных продуктов питания. По мясу и молоку республика в два раза отстает от среднедушевого показателя в стране. Если добавить к этому, что по обеспеченности жильем, школами, дошкольными, медицинскими, культурно-бытовыми учреждениями Узбекистан занимает одно из последних мест в Союзе, то можно понять, что эти аномалии вызывают справедливое недовольство людей и требуют неотложного решения»³.

Поэтому особо значимы и с точки зрения решения проблем национальных отношений те практические шаги, которые предпринимаются ныне в республике по устранению образовавшихся искривлений в народном хозяйстве, по рациональной специализации и совершенствованию межреспубликанского разделения труда⁴. Ведь специализация любой союзной или автономной республики (на тех отраслях народного хозяйства, развитию которых в наибольшей степени благоприятствуют ее природно-географические и экономические условия) не должна означать игнорирования ее объективных потребностей в комплексном развитии народного хозяйства, обеспечении рациональной занятости населения, росте его культурного и социально-профессионального уровня, улучшении среды обитания.

В целом в этой связи впредь следует особо усилить социальную направленность народнохозяйственных планов республик: они должны быть нацелены на устранение создавшихся диспропорций между производственной и социальной сферами, сложившихся разрывов между республиками в использовании национального дохода и общественных фондов потребления на душу населения, в социальном развитии наций и народностей. Задача эта непростая, ибо речь идет о ломке десятилетиями считавшейся правильной практики, когда даже при реализации крупных программ социально-экономического развития тех или иных регионов страны не давалась полная, объективная оценка осуществляемых мероприятий с позиций развития и совершенствования межнациональных отношений. Между тем сегодня более чем когда-либо стало очевидным, что именно в проблемах и трудностях социально-экономического развития коренятся многие проявившиеся у нас сложности в развитии национальных отношений⁵.

Деформирование демократических начал в руководстве экономикой и социальной сферой проявлялось и в том, что в 60—70-е годы руководящие органы республик Средней Азии и Казахстана практически оставляли вне поля зрения процессы социального развития коренных наций и народностей: при осуществлении программ социального развития приглушались реальные проблемы конкретных районов и областей, зато во главу угла ставилась погоня за выполнением народнохозяйственных планов любой ценой.

Несмотря на значительные сдвиги, происшедшие в социальном развитии всех наций и народностей страны, они и сейчас резко дифференцируются по степени урбанизации, соотношения городского и сельского населения. Так, согласно Всесоюзной переписи населения 1979 г., горожане составляли; среди русских — 77%, армян — 71%,

³ Правда Востока. 1989. 25 марта.

⁴ См. об этом: Перестройка аграрной политики — революционная стратегия партии // Правда. 1989. 17 марта; Артеменко В., Каилбергенов А. И хлопок и продовольствие // Правда. 1989. 30 марта; Курсом мартовского Пленума // Правда Востока. 1989. 31 марта; и др.

⁵ См.: Региональные проблемы межнациональных отношений: Пути, формы и методы их решения в условиях перестройки, демократизации общественной жизни // Коммунист Азербайджана. 1988. № 6. С. 29.

эстонцев — 64%, латышей — 63%, литовцев — 62%, украинцев — 60%, грузин — 51%, азербайджанцев — 47%, белорусов — 39%. А среди казахов их было 32%, туркмен — 31%, молдаван и узбеков — 30%, таджиков — 28%, киргизов — 21%. Конечно, нельзя абсолютизировать приведенные цифры, ибо степень урбанизации, классовый и социально-профессиональный состав наций обусловлены многими факторами, в том числе требованиями общесоюзного разделения труда. Союзные и автономные республики, как известно, различаются природной средой, направленностью экономического развития и т. д. Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя преувеличивать роль этих объективных обстоятельств при анализе различий между республиками по доле занятых индустриальным и сельскохозяйственным трудом, развитию социальной структуры наций и народностей.

В создание такого положения внесли свою лепту как центральные ведомственные органы, планировавшие и непосредственно регулировавшие создание новых промышленных комплексов в регионах, так и местные партийные, советские, хозяйственные органы. Центральные ведомства, как правило, решали вопросы создания промышленных комплексов без участия местных советских органов. Причем такой ведомственный эгоизм часто блокировал и решение экологических проблем на местах.

Крупномасштабному ввозу рабочей силы из других регионов страны в немалой степени способствовала и широко распространенная практика выделения вне очереди квартир вновь прибывающему населению при одновременном ущемлении таковых потребностей вливающейся части рабочих местных национальностей. Заметим, что здесь отрицательно сказывались и многие другие обстоятельства и факторы. Например, формальное отношение областных, городских и районных партийных, советских органов к подготовке национальных рабочих кадров, к кадровому пополнению ИТР, социально-бытовому обслуживанию работников промышленных предприятий; недостаточная внимательность, а порой и прямое игнорирование склонностей и тяги населения к определенным отраслям индустриального производства (при планировании промышленных объектов) и т. д.

И, наконец, при анализе существующих различий между республиками по доле занятых индустриальным и сельскохозяйственным трудом, динамике изменения национального состава союзных и автономных республик очевидно, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что вновь прибывшее население (например, в республиках Средней Азии, Прибалтики) продолжает пополнять главным образом ряды рабочих и служащих.

Если проследить динамику роста национальных кадров рабочего класса в промышленности УзССР, то в целом она, казалось бы, может вселять оптимизм. Например, за 1959—1979 гг. рост числа рабочих-узбеков в промышленности составил 12%⁶. Однако реальная доля рабочих местных национальностей, прежде всего в ведущих отраслях промышленности, остается пока незначительной⁸. Так, численность ра-

⁶ См.: Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 155—156; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 17.

⁷ См.: Шистер Г. Формирование и развитие многонационального рабочего класса в Узбекистане // Коммунист Узбекистана. 1985. № 10. С. 38.

⁸ Ввиду отсутствия у нас последних итоговых статистических данных о доле промышленных рабочих в составе каждой национальности приведем некоторые данные, полученные в ходе Всесоюзной переписи населения 1959 г. Тогда доля промышленных рабочих у наций, давших имя союзным республикам, составляла: в РСФСР — 23%, ЛатССР — 19%, ЭстССР — 19%, АрмССР — 17%, УССР — 15%, ЛитССР — 12%, БССР — 11%, ГрузССР — 10%, АзССР — 8%, КазССР — 6%, ТуркмССР — 5%, КирпССР — 4,6%, МолдССР — 4%, ТаджССР — 4%, в УзССР — 4%. См. Итоги Все-

бочих местных национальностей на таких заводах: Ташкента, как Тракторный, составляет 29%, «Средазэлектроаппарат» — 25%, заводе им. Октябрьской революции — 19%, заводе «Подъемник» — 15%. А в ККАССР в годы застоя, пожалуй, в наибольшей степени приостановились процессы формирования индустриальных отрядов рабочего класса. Здесь доля работающих в промышленности среди всех занятых в народном хозяйстве автономной республики в 1985 г. оставалась на уровне 1960 г. и составила 9,9%⁹. И это при том, что за данный период доля занятых в промышленности по стране в целом значительно увеличилась и составила 38%¹⁰.

Кроме того, важно заметить, что значительная часть рабочих местных национальностей — это малоквалифицированные работники, а высококвалифицированные рабочие местных национальностей составляют не более 7—8% рабочего класса Узбекистана¹¹.

В течение многих лет очень мало молодежи узбекской национальности поступало в профессионально-технические училища и средние специальные учебные заведения, готовящие кадры для ведущих отраслей индустрии¹². В 1986 г. в системе профтехобразования Ташкента, готовящей кадры для промышленности, строительства, транспорта, учащиеся местной национальности составляли только 17,8%; зато в торговых училищах — более 80%¹³. Все это показывает, что в республике длительное время отсутствовала должная забота об укреплении национальных кадров рабочего класса¹⁴. Поэтому на V пленуме ЦК КПУз (1987) «медленный процесс формирования индустриального рабочего класса из числа лиц коренной национальности» был справедливо признан как проявление «опасных перекосов и диспропорции», допущенных в социальной политике в последние десятилетия¹⁵.

В целях устранения сложившейся диспропорции в отраслевой структуре занятости населения ныне в республике разрабатываются и осуществляются комплексные планы соответствующих мероприятий:

союзной переписи населения 1959 года. М., 1962. С. 95; Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций//История СССР. М., 1972. № 4. С. 13.

⁹ См.: Правда Востока. 1989. 28 февр.

¹⁰ См.: Народное хозяйство СССР в 1987 г. М., 1988. С. 360.

¹¹ См.: Джумаев Р. З., Черник В. Г. Читательская конференция в Ташкенте//Вопросы философии. 1987. № 11. С. 153; Голотвин Ж. Г. О некоторых аспектах развития национальных отношений в Латвии//Национальные проблемы в современных условиях. М., 1988. С. 200.

¹² На это обращалось внимание и в ходе выборочного социологического исследования, проведенного в Узбекистане в конце 70-х годов Институтом этнографии АН СССР. См.: Остапенко Л. В., Сусоколов А. А. Межрегиональные перемещения и национальный состав трудовых ресурсов//Сто наций и народностей: Этнодемографическое развитие СССР. М., 1985. С. 52.

¹³ См.: Ленинский путь. 1986. 7 окт.

¹⁴ Отметим, что тенденция к снижению темпов вовлечения местных национальностей в индустриальные отрасли в 60—70-х годах в целом была свойственна не только Узбекистану, но и соседним республикам: Казахстану, Киргизии, Таджикистану, Туркмении. Так, на начало 1983 г. удельный вес казахов составил в промышленности КазССР 16,9% рабочих, в частности в цветной металлургии — 18,6%, в электроэнергетике — 18,2, в угольной — 8,2, в черной металлургии — 6,3, в машиностроении и металлообработке — 12%. (См.: Ленинские принципы национальной политики КПСС и актуальные задачи интернационального воспитания: Материалы Республиканской конференции, состоявшейся 11 апреля 1987 г. в г. Алма-Ате. Алма-Ата, 1987. С. 21). Доля киргизов среди рабочих и специалистов, занятых в промышленности КиргССР, за 1959—1979 гг. увеличилась лишь с 10,3 до 18,3%. (См.: Чернова Е. Национальные аспекты формирования рабочего класса//Коммунист Киргизии. Фрунзе, 1988. № 6. С. 23). Как известно, на негативный характер аналогичного положения в Казахской ССР и его причины указал ЦК КПСС в своем постановлении «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся». (См.: Коммунист. М., 1987. № 12. С. 14).

¹⁵ См.: Коммунист Узбекистана. 1987. № 5. С. 5—6.

Однако пока мы не можем говорить о сколько-нибудь осязаемых результатах реализации этих программ. Между тем задачи эти надо решать безотлагательно, что имеет важное значение и в плане решения актуальных социально-экономических проблем и для правильного развития межнациональных отношений.

Несколько слов о значимости недавно опубликованного в печати проекта «Общие принципы перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования»¹⁶, разумеется, в контексте рассматриваемой темы. Думается, что сам факт разработки Советом Министров СССР данного Проекта и внесения его для рассмотрения в Верховный Совет СССР — наглядное свидетельство того, что наше общество готовится сделать следующий шаг не только в магистральном направлении экономической реформы — в развитии и углублении хозяйственных отношений в общественном производстве, а именно — в сфере территориального хозяйствования, но и в направлении должной реализации принципов социальной справедливости в разрешении региональных проблем национальных отношений, в укреплении материальных основ дружбы народов СССР.

Разумеется, Проект нуждается в ряде уточнений и дополнений. Например, в нем неясно сказано о доле от общей суммы налога с оборота по хлопчатобумажным и шерстяным тканям, виноматериалам и т. п., реализуемой в конечном продукте и передаваемой в бюджет союзной республики, где произведены соответствующее сырье и материалы. Внесение ясности в этом вопросе имеет принципиальное значение, ибо его правильная постановка станет не только важным шагом на пути утверждения в нашем обществе принципов социальной справедливости, но и повысит заинтересованность в росте эффективности производства на местах.

Если же подходить к анализу данного документа с точки зрения того, что, скажем, в Узбекистане ныне начато решение таких острых проблем, как: ликвидация хлопковой монокультуры; создание отраслей промышленности, в наибольшей мере соответствующих не только природным условиям, изменению создавшейся здесь сложной экологической ситуации и экономической направленности региона, но и активно способствующих социальному развитию узбекского и других народов, населяющих республику; ускоренное развитие переработки хлопка и в местах его производства, где имеются большие трудовые ресурсы, и т. д., то прямо скажем — некоторые положения Проекта нуждаются в корректировке. На наш взгляд, без дифференцированного подхода к решению данного круга проблем в конкретных регионах страны уже никак нельзя обойтись. В Проекте, кроме того, недостаточно ясно сказано по каким принципам будут создаваться и использоваться союзные центральные фонды, какова роль союзной республики в регулировании ценообразования, в разработке и реализации комплексных программ демографического развития и использования трудовых ресурсов.

Вместе с тем очень важно не упустить из виду основного назначения Проекта — того, что реализация всего комплекса сформулированных в нем задач в значительной мере обеспечит ускорение экономического и социального развития каждой советской республики. В Проекте конкретизированы реальные пути дальнейшего повышения инициативы и ответственности республик в руководстве хозяйством и социальной сферой на своей территории, эффективного использования их производственного, научно-технического, интеллектуального потен-

¹⁶ См.: Правда. 1989. 14 марта.

циала, более рационального определения сфер хозяйствования самими республиками и бережливого природопользования; делегирования отдельных функций и прав из центра в республики, расширения полномочий советских органов на местах.

Постановка всего этого комплекса проблем на сегодняшний день весьма злободневна. Решая их, мы обеспечим не только восстановление демократических начал в руководстве экономикой и социальной сферой в союзных республиках, должную реализацию их суверенных прав, но и те глубокие преобразования в социально-экономической жизни общества, в развитии национальных отношений и других сферах жизни страны, на которые нацелена перестройка.

Ш. Р. АБДУЛЛАЕВА

УСИЛЕНИЕ РОЛИ МАРКЕТИНГА В УСЛОВИЯХ САМОУПРАВЛЕНИЯ И САМОФИНАНСИРОВАНИЯ

Сегодня в нашей экономике накопилось много нерешенных проблем. Наиболее острые из них — несбалансированность спроса и предложения, дефицитность бюджета, монопольный диктат производителя над потребителем, инфляция в сочетании с дефицитом товаров и др. Практическая реализация принятых, но, к сожалению, «пробуксовывающих» Законов о государственном предприятии (объединении), о кооперации, о ИТД, а также ряда других постановлений и решений позволит во многом снять отмеченные проблемы.

Переход к самофинансированию предприятий уже сегодня создает совершенно новую экономическую ситуацию во взаимоотношениях между производителями и потребителями. В условиях, когда, скажем, в сельское хозяйство техника поставлялась за счет госкапвложений, колхозы и совхозы не задумывались ни о их качестве, ни о производительности и т. д. А перевод хозяйств на полный хозрасчет привел к тому, что, например, заявки на хлопкоуборочную технику снизились почти на треть. И теперь перед «Ташсельмашем» стоит острая задача поиска новых потребителей или производства новой продукции. Такая же ситуация сложилась перед производителями хлопкоочистительного оборудования, производство которого сократилось на 70%.

Такая тенденция наблюдается во многих регионах и отраслях. И нет сомнений в том, что оздоровление экономики страны на основе радикальной реформы управления выдвинет эту проблему на первый план. Ориентация на рынок, на конкретного потребителя, конкуренция с внешним рынком — все это неизбежные явления в условиях самофинансирования производителей и потребителей. Предоставление им права с 1 апреля 1989 г. самостоятельного выхода на внешний рынок также требует разработки стратегической линии развития предприятий с учетом рыночного фактора.

Необходимость изучения потребителя, рынков сбыта, конкурентов и методов конкуренции обусловила все возрастающий интерес ученых и специалистов к теории и практике маркетинга, главным содержанием которого является ориентация производства на конкретного потребителя, на конкретный рынок на основе его комплексного анализа.

Здесь мы рассмотрим некоторые вопросы теории и практики использования элементов и принципов маркетинга в условиях перехода предприятий и регионов на самоуправление и самофинансирование. Наши положения и выводы изложены применительно к местной промышленности. Связано это с тем, что данная система является многоотраслевой, номенклатура ее продукции насчитывает свыше 2 тыс. наименований, имеются традиционные связи с внешним рынком. В этом качестве местная промышленность служит как бы микро-

делью народного хозяйства республики, что позволит в дальнейшем успешно применять систему маркетинга в любой отрасли, в любом регионе.

Как теоретическая концепция и специфический вид коммерческой деятельности маркетинг возник в начале XX в. в США. Высокий уровень концентрации производства и капитала, острая конкуренция на рынке объективно выдвинули проблему сбыта на первое место. Производство на неизвестный рынок начало уступать место такой системе организации производства и труда, которая должна быть нацелена на конкретного потребителя. В этих условиях производству стала предшествовать работа по комплексному изучению рынка с использованием достижений экономики, математики и социологии. Целью исследований было получение точных и подробных сведений о состоянии и перспективах развития рынка.

В отличие от традиционной техники сбыта практика маркетинга имеет конкретные цели, хозяйственная задача поставлена четко и ясно: предприятие должно изготовить такую (по ассортименту и качеству) продукцию, которая может быть реализована. Исходя из этого, фирма сосредоточивает все усилия на создании потребностей на свою продукцию, а потом ее удовлетворение путем предоставления покупателю возможности выбора товара и соответствующего обслуживания.

Маркетинг как рыночная концепция управления переросла в ведущую функцию системного управления, определяющую не только рыночную, но и производственную стратегию фирмы. Служба маркетинга становится главным центром управления, источником информации и рекомендаций по проблемам рыночной, производственной, научно-технической и финансовой деятельности фирмы. На основе тщательного анализа состояния и динамики общественного спроса и конъюнктуры рынка службой маркетинга решаются вопросы о необходимости перспективности и прибыльности производства того или иного товара, возможности материально-технического снабжения производственной программы.

В какой степени элементы современного маркетинга могут быть использованы в условиях плановой социалистической экономики? Этот вопрос уже несколько лет обсуждается не только в нашей стране, но и в ряде других социалистических стран. При этом большинство ученых и специалистов склоняются к необходимости использовать основные принципы современного маркетинга. Уже сегодня положительный опыт организации маркетинга накопил ряд социалистических стран — Венгрия, ГДР, Польша, Китай, Болгария, Чехословакия. Однако в нашей стране вопрос о введении маркетинга в управление производством до сих пор остается спорным.

Маркетинг в нашей сегодняшней экономике, конечно же, сложное и противоречивое явление. Однако в условиях происходящей коренной перестройки экономики необходимо, на наш взгляд, не только изучать, но и широко пропагандировать введение концепции маркетинга как одного из экономических методов управления, разрабатывать адаптационные модели маркетинга, способствующие ускорению решения приоритетных задач экономического и научно-технического развития предприятий.

Обычно в проблемах подсистем маркетинга существуют многочисленные, а порой и противоречивые цели. Поэтому задача системного подхода к исследованиям маркетинга заключается в определении замкнутой рабочей сети, в которой эти компоненты будут работать вместе так, чтобы достигался оптимальный баланс экономики и эффективности.

Основное преимущество системного подхода заключается в исследовании и учете всех факторов и возможных ситуаций при выходе на

рынок. Технологические и инженерно-технические возможности предприятий позволяют им изготовить конкретный продукт, но для создания продукции пользующейся спросом, необходимы специальные знания в области маркетинга. Планы производства, капитальных вложений, материально-технического снабжения должны основываться на твердой уверенности в том, что продукция будет реализована. В этом заключается основополагающий принцип маркетинга как рыночной концепции управления, который предопределяет конкретные направления маркетинговой деятельности и содержание его функций.

К числу важнейших функций маркетинга обычно относят:

- комплексное изучение рынка и проблем, связанных с осуществлением маркетинга;
- планирование товарного ассортимента;
- формирование спроса и мероприятия по стимулированию сбыта;
- планирование сбытовых операций;
- управление и контроль маркетинговой деятельности.

Каждая из этих функций важна сама по себе, но именно взятые комплексно, системно, в совокупности и взаимосвязи, они обеспечивают необходимые условия для успешной реализации программы маркетинга.

Представляя маркетинг универсальным инструментарием управления взаимосвязями любых организаций в той мере, в какой они выступают как «производители» и «потребители», следует отметить, что единой схемы построения маркетинга не существует. Поэтому каждое предприятие с учетом внешних факторов и характера хозяйственной деятельности должно использовать концепцию рыночного управления, разрабатывая свою программу маркетинга.

Разработка адаптационной модели маркетинга приобретает особую важность в условиях перехода на республиканский хозрасчет. В опубликованном проекте «Общих принципов» перевода союзных республик на самоуправление и самофинансирование указано, что в результате реализации предлагаемых мер по расширению сферы хозяйствования союзных республик и регионов удельный вес продукции промышленных предприятий, полностью находящийся в ведении республик и регионов, в общем объеме промышленного производства увеличится в среднем по Средней Азии и КазССР с 7—10 до 50—73%, в первую очередь за счет отраслей, специализирующихся на производстве товаров народного потребления (ТНП).

Сегодня проблема повышения уровня производства ТНП на душу населения наиболее актуальна в стране и особенно в нашей республике. Так, по данным Госкомстата СССР за 1988г., в УзССР впервые за многие годы было обеспечено выполнение плана розничного товарооборота на 100,9%. Причинами невыполнения планов были недопоставки промышленностью высококачественной продукции, наличие брака, выпуск товаров, не соответствующих стандартам качества, и т. д. Однако объем товарооборота на душу населения остается низким — 767 руб., или 60% к среднесоюзному показателю. Поэтому в проекте Программы ускорения социально-экономического развития УзССР и повышения благосостояния населения республики в 1991—1995 гг. предполагается увеличение производства ТНП в 1,6—1,7 раза, а на предприятиях местной промышленности — в 1,6 раза.

Местная промышленность УзССР ежегодно выпускает ТНП на сумму около 800 млн. руб., что составляет 8,4% общего объема производства ТНП в республике. Продукция местной промышленности разнообразна: строительные материалы, изделия культурно-бытового и хозяйственного назначения, швейные товары, галантерея, оборудование, мебель и т. д. В местной промышленности сосредоточено все

производство изделий традиционного народно-художественного промысла.

В 1988 г. местной промышленностью УзССР было получено 110,1 млн. руб. прибыли, фондоотдача составила 3,32 руб., рентабельность — 19%. Анализируя динамику роста основных показателей местной промышленности, следует отметить, что по сравнению с 1975 г. объем производства товарной продукции возрос в 3 раза, прибыль — в 2,8, производительность труда — в 1,8 раза. С 1 января 1989 г. местная промышленность УзССР работает в условиях полного хозрасчета.

В целях обеспечения хозяйственной самостоятельности объединений и предприятий отрасли было укрупнено 12 действующих и создано 19 новых производственных предприятий, 6 промышленно-торговых объединений (ПТО) и одно республиканское ПТО народно-художественного промысла. В результате сократилась звенность в управлении отрасли открылась возможность развития более тесных взаимосвязей торговли с промышленностью.

В годы XI пятилетки быстрыми темпами увеличивалась сумма сверхнормативных запасов; в 1985 г. она в 5,6 раза превысила уровень 1975 г. В XII пятилетке путем широкой распродажи товарно-материальных ценностей организациям и населению, прекращения завоза ненужного сырья и материалов по децентрализованному закупу и отказа от сырья, не соответствующего ГОСТам, объем запасов товарно-материальных ценностей был доведен до минимального уровня.

Определенное внимание уделяется вопросам повышения качества продукции. За 1987 г. предприятиями промышленности выпущено 18 видов изделий с Государственным знаком качества (ГЗК) на сумму около 20 млн. руб. Однако их удельный вес в общем объеме товарной продукции составил всего 2,8%. Продукции улучшенного качества с индексом «Н» выпущено на сумму 26,5 млн. руб., удельный вес ее составил 3,6% при плане 1,6%. Выпуск продукции улучшенного качества, реализованной по договорным ценам, составил около 20 млн. руб.

Вместе с тем имеются еще существенные недостатки в выпуске продукции согласно требованиям стандартов. Так, за 1987 г. контролирующими органами (Узгосстандарт, Госторгинспекция) 67 раз запрещалась реализация продукции, 59 раз применялись экономические санкции. Исключено из плана реализации продукции на 714,6 тыс. руб., изъято из прибыли 141,8 тыс. руб. От торгующих организаций получено 565 рекламаций. Уплачено штрафов на общую сумму 604,0 тыс. руб. До сих пор полностью не удовлетворяются потребности населения в товарах повседневного спроса.

В целях дальнейшего развития в системе Минместпрома ассортимента товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения совместно с Минторгом УзССР разработан «Перечень товаров народного потребления, завозимых из-за пределов республики», в количестве 93 наименований, производство которых намечено местной промышленностью в 1989—1990 гг.

В системе местной промышленности действуют 7 фирменных магазинов, розничный товарооборот которых достиг 5,5 млн. руб., что, однако, составляет всего 1% продукции, выпускаемой отраслью.

В условиях самофинансирования расширяются внешнеэкономические связи предприятий местной промышленности. Большим спросом на внешнем рынке пользуются керамические изделия, металлоизделия, оцинкованная посуда, чапаны, шелкоотходы, сера и т. д. Заключен договор о совместном предприятии «Ташинтерм» с КНР по производству термосов, ведутся переговоры о создании совместных предприятий с другими странами.

Все валютные и другие внешнеэкономические операции оформляются через «Узбекинторг». Однако предприятия все еще не получают информации о конъюнктуре рынка, валютных ценах, перспективах развития внешних рынков. Этим вопросом по существу никто не занимается.

Даже в условиях полного хозрасчета деятельность предприятий до сих пор по существу скована жесткими рамками: госзаказ выдается на все 100% производимой продукции по твердым государственным ценам; нет возможности гибкого маневрирования с ориентацией на конъюнктуру рынка; при планировании практически не используются прямые заказы потребителей и органов материально-технического снабжения; контрольные цифры носят директивный характер, не предоставляя права выбора решений и партнеров при заключении хозяйственных договоров; нет еще полной самостоятельности при выходе на внешний рынок и т. д.

На наш взгляд, решение многих из этих вопросов находится в сфере маркетинга, в экономических преобразованиях и проведении гибкой рыночной политики на предприятиях и в системе управления местной промышленностью.

Экономические особенности местной промышленности позволяют считать целесообразным введение маркетинга в первую очередь в этой отрасли. Объясняется это тем, что, во-первых, главная задача местной промышленности — удовлетворение нужд местного населения, т. е. производство продукции с учетом особенностей местного рынка, а также увеличение экспортных поставок, развитие внешнего рынка.

Во-вторых, при всем разнообразии заводов и фабрик по масштабам и характеру производства, мощностям и технологическому уровню преобладают предприятия с небольшим объемом производства и капитальных вложений, что позволяет им оперативнее реагировать на спрос и обновлять ассортимент ТНП.

В-третьих, сохранение и развитие народно-художественного промысла позволит в будущем создать «марку» местной промышленности УзССР, особенно на внешнем рынке.

В-четвертых, размещение предприятий местной промышленности близ местных источников сырья и использование отходов профилирующих организаций решают проблему сокращения транспортных издержек, способствуют расширению оптовой торговли и играют большую роль в защите окружающей среды от загрязнения. Очень важно и то, что развитие местной промышленности способствует и решению проблемы лучшего использования трудовых ресурсов республики.

И, наконец, в условиях самофинансирования, расширения власти местных Советов, с учетом принципов регионального хозрасчета повышается роль местной промышленности в удовлетворении растущих материальных и культурных потребностей населения республики.

Рассмотрим конкретнее возможности применения маркетинга в этой отрасли.

Определяя маркетинг как управление спросом, специалисты обычно выделяют восемь ситуаций, характеризующих состояние спроса. Каждой такой ситуации соответствует вполне определенная задача по управлению маркетингом и тип маркетинга:

отсутствие спроса	— стимулирующий маркетинг
потенциальный спрос	— развивающий маркетинг
снижение спроса	— ремаркетинг
колеблющийся спрос	— синхромаркетинг
полный спрос	— поддерживающий маркетинг
чрезмерный спрос	— демаркетинг

негативный спрос — конверсионный маркетинг
иррациональный спрос — противодействующий маркетинг

Такие элементы маркетинга, как изучение рынка, планирование ассортимента продукции, реклама и стимулирование сбыта, имеют различную степень важности в зависимости от выбранного типа маркетинга. Поэтому правомерно утверждение, что в условиях интенсивного спроса главным критерием эффективности производства является быстрота реакции на изменение рынка, а методом — комплексное изучение его. С целью стимулирования спроса большее ударение в системе маркетинга делается на стимулирование сбыта, рекламу. В условиях же некоторой сбалансированности спроса наиболее эффективным элементом маркетинга является планирование ассортимента продукции, а методом повышения эффективности становится проведение ФСА (функционально-стоимостного анализа).

Рассмотрим элементы, которые в зависимости от выбранного типа маркетинга играют главную роль.

Изучение рынка в системе маркетинга. Цель исследования маркетинга товаров и услуг заключается в получении ответов на основные вопросы: кто? что? где? когда? как? и связанный с ними вопрос — почему? Поэтому область приложения исследовательской части не ограничивается только рынком, а рассматриваются в совокупности все проблемы, связанные с претворением в жизнь рыночной концепции управления.

Следует отметить что исследования товарных и региональных рынков, динамики покупательского спроса и возможного рыночного потенциала должны, по нашему мнению, осуществляться непосредственно предприятиями и министерством, тогда как в отечественной литературе распространена точка зрения, якобы изучение спроса — задача лишь торговых организаций. Здесь целесообразно ориентироваться на исследовательскую работу собственных специалистов, лучше знающих положение, задачи и специфику своего производства, в большей степени заинтересованных в повышении его эффективности.

В целом маркетинговые исследования классифицируются следующим образом.

Исследование рынков сбыта: определение размера и характера рынка (характеристика потребителей по возрасту, полу, доходу, профессии и социальному положению); определение географического размещения потенциальных потребителей; определение удельного веса товаров основных конкурентов в общем объеме сбыта на данном рынке, анализ сбыта на данном рынке, анализ сильных и слабых сторон конкурирующих товаров, анализ потребительских свойств товаров; поиски новых способов применения выпускаемых изделий; анализ замыслов новых изделий и испытание их с привлечением потребителей; исследование структуры, состава и организации работы сбытовой сети, обслуживающей данный рынок; анализ общеэкономических и других внешних тенденций, влияющих на структуру рынка, и др.

На основе полученных данных составляется подробная, четкая программа производства и, соответственно, ее материально-технического обеспечения, а также определяются конкретные пути и способы продвижения товара на рынок, вырабатываются формы организации и управления сбытом, определяется общая сбытовая политика фирмы.

Исследование сбыта: определение различий в объеме сбыта по отдельным районам, установление и пересмотр границ сбытовых районов; оценка методов торговли и стимулирования сбыта; анализ эффективности распределительной сети в разрезе «расходы — прибыль»; ин-

инвентаризация товарных запасов в розничной сети; анализ эффективности рекламной работы.

Группа экономического анализа: «затраты — выпуск»; краткосрочное и долгосрочное прогнозирование; анализ «цена — прибыль».

Приведенный выше перечень лишь в общих чертах определяет границы возможной исследовательской деятельности. Далее в рамках каждой из групп выполняются конкретные исследовательские мероприятия, число и масштабность которых определяются степенью значимости поставленной проблемы.

Информация о развитии и емкости рынка, а также структуре спроса на практике должна стать базой для планирования объемов производства и реализации, средств товародвижения и методов рекламы. В этих целях необходимы дальнейшее совершенствование методологии расчета емкости рынка, создание стройной системы изучения и прогнозирования спроса.

Важная особенность исследования и прогнозирования рынка в рамках маркетинга — проведение рыночной сегментации, основанной на дифференцированном подходе к удовлетворению спроса различных групп и категорий покупателей. Исходной посылкой здесь выступает взгляд на рынок не как на единое, однородное явление, а как на сумму отдельных сегментов, в рамках которых проявляется особый характер спроса различных категорий потребителей. Эти особенности объясняются экономическими, демографическими, географическими и психографическими факторами.

К экономической группе факторов относятся различия в спросе в зависимости от уровня доходов и их распределения, интенсивности потребления какого-либо товара. Во вторую группу включаются различия в поле, возрасте, размере семьи и семейном положении, образовании, национальной и социальной принадлежности покупателя. Географическую группу факторов составляют различия в зависимости от климатических условий региона, места жительства (город, село). Наконец, четвертая группа объединяет факторы, объясняющие особый характер поведения потребителей на рынке, мотивы, которыми они руководствуются при выборе того или иного товара.

Цель рыночной сегментации заключается в выделении сегмента рынка на основе изложенных выше факторов, представляющих наибольший интерес для предприятий.

Планирование ассортимента продукции. Итогом проведения исследований и прогнозирования рынка в системе маркетинга является планирование ассортимента продукции, основные элементы или фазы которого заключаются в разработке спецификаций новых изделий, усовершенствовании существующей продукции, разработке предложений о новых способах и сферах применения выпускаемых изделий.

Большое значение на стадии планирования ассортимента продукции получает применение ФСА, суть которого состоит в системном технико-экономическом исследовании материальных и организационных структур в целях обеспечения эффективности их создания и функционирования, исходя из их действительного назначения.

Важным моментом применения ФСА в стратегии маркетинга является возможность ФСА изделий как путем рассмотрения их жизненного цикла в целом, так и на основе более детального анализа каждой из его стадий: исследование и разработка, подготовка производства, изготовление, обращение и реализация, эксплуатация и потребление, утилизация после потери изделием погребительских свойств или в результате морального износа.

Для практического применения ФСА на предприятиях местной промышленности должны быть квалифицированно разработаны методика его проведения, рекомендации по выбору объекта анализа, накоп-

лению, обработке и использованию информации, выявлению, формированию и правильной классификации функций, а также использованию ФСА при ценообразовании и аттестации изделий.

Реклама и стимулирование сбыта. Основное требование, которое предъявляет маркетинг к рекламным операциям,— направленность рекламы, точный и недвусмысленный адрес рекламного послания на основе мотиваций покупателей, их предпочтения.

Разумеется, никакая эффективная реклама сама по себе не способна компенсировать низкое качество изделия или недостатки в программе маркетинга. Более того, она будет способствовать созданию отрицательного отношения покупателя к рекламируемому товару и фирме, производящей его. Поэтому первое необходимое условие эффективности рекламы — соответствующее высокое качество товара.

Система стимулирования сбыта, помимо рекламы, включает в себя:

— стимулирование покупателей, т. е. продажа товаров с возможным возвратом денег, различные виды кредита, скидка цен, премии, конкурсы, лотереи;

— стимулирование торговых посредников — скидки для закупщиков, бесплатные товары, потоварные скидки, конкурсы;

— стимулирование труда продавцов — конкурсы, конференции, премии.

Стимулирование сбыта играет особую роль на стадии внедрения и зрелости жизненного цикла товара, а также наиболее эффективно действует в период спада и инфляции. Рассмотренные методы стимулирования целесообразно использовать в условиях значительного снижения спроса на товары, в частности выпускаемые предприятиями местной промышленности республики.

В заключение надо еще раз подчеркнуть, что маркетинг представляет собой замкнутую систему, составные элементы которой могут существовать в различных комбинациях. Окончательная их структура должна быть организована так, чтобы обеспечить оптимизацию прибыли.

А. Н. ДЕЛИЕВ, М. Х. РУСТАМБАЕВ

К РАЗРАБОТКЕ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УЗБЕКСКОЙ ССР

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной конференции КПСС в стране идет разработка нового уголовного законодательства с тем, чтобы оно полнее отвечало современным условиям развития советского общества, задачам перестройки, более эффективно защищало интересы и права граждан, вело к укреплению дисциплины и правопорядка. Разработка нового уголовного законодательства предполагает коренную реконструкцию его в свете выдвинутой партией задачи создания подлинно правового социалистического государства.

Непременное условие разработки нового уголовного законодательства — осуществление ее на строго научной основе, исключающей элементы волюнтаризма и конъюнктуры, принятие непродуманных решений.

В связи с предстоящей разработкой нового Уголовного кодекса Узбекской ССР нам хотелось бы высказать здесь некоторые соображения по данному вопросу.

1. На наш взгляд, при создании нового УК наиболее важной является проблема декриминализации отдельных общественно опасных деяний, определение ее границ. В этом плане можно выделить несколь-

ко направлений. Первое — вопрос о малозначительных деяниях. Известно, что в теории уголовного права до сих пор нет окончательного решения вопроса об отграничении административного проступка и преступления. Если эта проблема не получит законодательной основы, то практика опять будет стоять перед дилеммой применения уголовной и иных видов юридической ответственности за целый ряд деяний. Здесь необходимо прийти к однозначному выводу. Что мы имеем в виду? В действующем УК УзССР имеется ряд норм, которые в санкциях содержат виды наказаний, характерные и для административных правонарушений. Кроме того, применяются эти нормы очень редко. К ним можно отнести, например, ч. 1 ст. 177, ч. 1 ст. 177¹, ч. 1 ст. 177² и некоторые другие. Представляется, что за совершение этих правонарушений впервые должны применяться меры административного характера. Уголовная ответственность возможна лишь после применения административного взыскания за совершенное ранее такое же правонарушение.

Второе. Как справедливо отмечает И. И. Карпец, в действующем уголовном законодательстве имеются повторяющиеся нормы, объединением которых можно значительно сократить УК¹. В качестве примера можно назвать ст. ст. 118², 180¹, которые, на наш взгляд, являются своеобразной конкретизацией ст. 118¹. Сущность преступления, ответственность за которое установлена ст. 118¹ УК, заключается в следующем. Преступник при его совершении извлекает выгоду путем обманного уклонения от уплаты должного государству или общественной организации. Одно из проявлений этого преступления, как подчеркивают авторы одного из учебников по советскому уголовному праву, — незаконное использование социалистического имущества, вверенного виновному по работе. При этом плата за оказание услуги, подлежащая передаче социалистической организации, присваивается виновным². Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. «О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» прямо подчеркивается, что работники транспорта, не имеющие полномочий на получение с граждан денег за проезд, провоз багажа и другие транспортные услуги, «получившие от граждан и обратившие в свою пользу деньги за безбилетный проезд или незаконный, без оформления документов, провоз багажа, должны нести ответственность за причинение имущественного ущерба государству путем обмана»³ (ст. 118¹ УК УзССР). Учитывая изложенное, достаточно оставить в УК ст. 118¹, а ст. 118² и 180¹ безболезненно изъять. Тем самым будет устранено неоправданное дублирование, порождающее ненужную конкуренцию уголовно-правовых норм.

Третье. В связи с принятием Закона об индивидуальной трудовой деятельности и переходом промышленных и сельскохозяйственных предприятий на самофинансирование и полный хозрасчет ряд норм УК теряют смысл. Например, вряд ли целесообразно сохранять ответственность за коммерческое посредничество. Ныне создаются и уже действуют легальные кооперативы, выполняющие операции посреднического характера (по реализации сельскохозяйственной продукции, выращенной на приусадебных участках, изделий индивидуальной трудовой деятельности и т. д.). Сеть их постепенно будет увеличиваться и у населения отпадет необходимость обращаться к лицам, осуществляющим посреднические операции нелегально.

В результате перехода промышленных и сельскохозяйственных

¹ См.: Карпец И. И. Каким быть уголовному законодательству? // Социалистическая законность. 1987. № 6. С. 18.

² Советское уголовное право: Часть особенная. М., 1983. С. 113.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1981. № 4. С. 5.

предприятий на полный хозрасчет и самофинансирование вряд ли найдется руководитель или трудовой коллектив, которые рискнут в таких условиях выпускать нестандартную, некомплектную или недоброкачественную продукцию. Потребитель откажется от поставок таких изделий, а предприятие может быть признано нерентабельным со всеми вытекающими последствиями. Поэтому представляется, что в современных условиях сохранение в УК ст. 172 по крайней мере сомнительно. Аналогичные аргументы можно привести в пользу изъятия из действующего УК ст. ст. 171, 171¹, 178, 149¹, 155. Необходимо обсудить и целесообразность сохранения в условиях экономической реформы норм, содержащихся в ст. 114², 123¹.

2. Несомненно, что в связи с происходящими изменениями в экономике будут не только «отмирать» некоторые виды преступлений, но и появляться новые, ранее не известные советскому уголовному законодательству. В сфере кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности могут появиться такие деяния, как сокрытие доходов в целях уклонения от уплаты налога, использование наемного труда; нет гарантий, что конкурирующие кооперативы не будут красть друг у друга передовые технологии и т. д. Конечно, решить окончательно эту проблему можно только после тщательного анализа и прогнозирования. Но если принимать новый УК без учета изменений, происходящих в общественной жизни, экономике, то через некоторое время все-таки придется опять «латать» закон, скоропалительно вводить те или иные нормы, исправлять их и т. д.

3. Некоторые замечания и предложения хочется высказать по поводу законодательной техники. Ряд статей действующего УК содержат в себе нормы, являющиеся частями статьи. В некоторых случаях статьи подразделяются на пункты. Известно, что если отдельные разделы статьи отделены друг от друга красной строкой и каждая из них содержит санкцию, то их называют частями (имеются в виду статьи Особенной части УК). В тех случаях, когда отдельные разделы статьи обозначаются буквами или цифрами, они именуруются пунктами. Пункт отличается от части тем, что не имеет санкции (например, ст. 80 имеет девять пунктов с одной общей санкцией). Однако в УК УзССР это правило построения закона не всегда соблюдается. Так, ст. 88 имеет три пункта с самостоятельными санкциями. Таково же построение и ст. 175 УК, в которой четыре пункта имеют самостоятельные санкции. Представляется, что при разработке нового УК должно быть выдержано единство его построения, основанное на правилах законодательной техники. Кроме того, пункты статей должны иметь либо только буквенную, либо только цифровую индексацию, что в действующем УК опять-таки не выдерживается.

4. На наш взгляд, при создании нового УК серьезное внимание необходимо уделить точности законодательных формулировок. При этом совершенно недопустимо использование таких понятий, которые дают возможность толковать их в расширенном смысле. Такая ситуация сложилась, например, с квалифицирующим признаком «проникновение» при хищении. В русском языке слово «проникнуть» означает «попасть, пробраться куда-нибудь внутрь, достичь чего-нибудь»⁴. Следовательно, в собственном смысле это слово, использованное для обозначения одного из квалифицирующих признаков хищения, означает, что человек для совершения преступления непосредственно заходит, пробирается внутрь помещения (жилища). Однако судебная практика идет по пути признания проникновением использования различных приспособлений для извлечения предметов без входа в соответствующее помещение. Пред-

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 534.

ставляется, что нужно либо толковать понятие в точном смысле того слова, которым оно выражено, либо заменить его на более широкое. Избежать двусмысленного толкования в данном случае можно, заменив выражение «хищение с проникновением в помещение или иное хранилище» (жилище) на «хищение из помещения или иного хранилища» (жилища). Употребление предлога «из» исключает вольности в применении квалифицирующего признака, его разноплановое толкование.

5. Последнее, о чем хотелось бы здесь сказать,— соотношение санкций за те или иные виды преступлений. Как известно, санкция — показатель степени общественной опасности деяния. В первую очередь рассмотрим соотношение размера санкций за некоторые виды умышленных преступлений.

Если сопоставить санкции ст. 80 и ст. 94 ч. 4, то мы увидим, что по степени общественной опасности изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом (без других квалифицирующих признаков), приравнивается к умышленному убийству при отягчающих обстоятельствах (в обоих случаях предусмотрены лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертная казнь). Кроме того, изнасилование закон признает более опасным, чем убийство, ибо вводит за него возможность применения дополнительного наказания — ссылки. Можно с уверенностью утверждать, что общественная опасность, например, умышленного убийства с особой жестокостью значительно выше, чем изнасилования, даже совершенного особо опасным рецидивистом. Поэтому вряд ли целесообразно устанавливать за эти два преступления одинаковые санкции.

Аналогичная картина вырисовывается и при сопоставлении санкций за некоторые неосторожные преступления. Санкция ч. 3 ст. 208 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до пяти лет или без такового. В то же время санкция ч. 2 ст. 213 УК устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет. Печальный пример Чернобыльской АЭС бесспорно доказывает, что последнее преступление по степени причинения вреда намного опаснее первого. Однако наказание за него установлено в два раза ниже. Представляется, что такому же анализу необходимо подвергнуть санкции всех норм УК.

Разумеется, в одной статье невозможно высказать все соображения, возникающие в связи с подготовкой нового УК. Мы попытались здесь изложить свое мнение лишь по некоторым аспектам. Надо надеяться, что в ходе дискуссии, развернувшейся в связи с разработкой нового Уголовного кодекса республики, будет высказано много ценных предложений, учет которых будет способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в целях всемерного укрепления социалистического правопорядка в условиях перестройки.

Страницы истории

К. ХАЛБАЕВ

О ДАТЕ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

В последнее время печатные органы нашей республики все чаще освещают отдельные «белые пятна» в истории Компартии Узбекистана и узбекского народа. Очевидно, настало время подумать не только о «белых пятнах», но и о воссоздании истинной истории Советского Узбекистана в полном объеме.

По ходу ознакомления с рядом научных книг, энциклопедий, учебников, изданных до начала перестройки и гласности, у меня, в частности, возникли определенные соображения и вопросы по поводу двух знаменательных дат самых важнейших событий в истории узбекского народа — дней образования Коммунистической партии Узбекистана и Узбекской Советской Социалистической Республики. Эти исторические вехи означали, во-первых, что узбекский народ под руководством Коммунистической партии, при помощи передового пролетариата народов России впервые в истории объединился в единое целое, создав, как и другие народы нашей страны, свое суверенное национальное социалистическое государство, а во-вторых, они знаменовали образование Коммунистической партии Узбекистана как одного из боевых отрядов партии Ленина. Но когда именно произошли эти столь значительные события? С тех пор прошло почти 65 лет, однако до сих пор мы не находим на этот вопрос единого правильного ответа.

Хотя хорошо известно, что первый учредительный съезд Компартии Узбекистана проходил в Бухаре 6—12 февраля 1925 г., во многих книгах и двух сборниках статистических материалов, изданных Институтом истории партии при ЦК КПУз — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1964 и 1979 гг., говорится, что Компартия Узбекистана была образована в 1924 г¹.

В литературе мы находим и четыре версии даты образования УзССР: 27 октября 1924 г., 5 декабря 1924 г., 17 февраля 1925 г., а также расплывчатое перечисление всех этих дат вместе, без особого выделения одной из них.

Так, в многотомной «Узбекской Советской Энциклопедии» (на узб. яз.) статья, посвященная республике, начинается со слов: «УзССР образована 27 октября 1924 года»². Несколько страниц спустя разъясняется, что 27 октября 1924 г. II сессия ЦИК СССР, основываясь на волеизъявлении народов Средней Азии, одобрила просьбу ЦИК Туркестанской АССР, Всебухарского и Всехорезмского курултаев Советов о национально-государственном размежевании и образовании новых Советских Социалистических Республик и областей³.

¹ См.: Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах (Сб. стат. мат.). 1924—1964 гг. Ташкент: Узбекистан, 1964. С. 4; Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах (Сб. стат. мат. 1924—1977 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1979. С. 4.

² УзСЭ. Т. 14. Ташкент: Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии, 1980. С. 434.

³ Там же. С. 506.

Как видим, речь здесь идет лишь об «одобрении просьбы», т. е. о поддержке прав народов региона на самоопределение, создание своих национально-государственных образований, а вовсе не о свершении этого акта. Именно поэтому далее отмечается, что «13—17 февраля 1925 года I съезд Советов УзССР объявил об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики»⁴.

Авторы энциклопедического однотомника «Узбекская ССР», тоже отмечая удовлетворение сессией ЦИК ходатайства названных выше органов о национальном размежевании и образовании новых Советских Социалистических Республик и областей, пишут далее, что «в феврале 1925 года в Бухаре состоялся 1-й съезд Советов Узбекской ССР, принявший «Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики», которая законодательно оформила создание Узбекской ССР»⁵.

Такая же информация содержится и в «Большой Советской Энциклопедии»⁶.

Как видим, в этих изданиях вообще пропущены одна из перечисленных выше дат (5 декабря 1924 г.) и связанное с ней историческое событие, которое также имеет непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу, а потому берется некоторыми авторами как точка отсчета в истории Узбекской ССР.

В утверждении же «Советского Энциклопедического Словаря» о том, что «по национально-государственному размежеванию 17. 10. 1924 г. образована Узбекская ССР в составе СССР как союзная республика»⁷, были слиты воедино два совершенно отдельных важных исторических акта. В действительности Узбекская ССР официально была принята в состав СССР на III Всесоюзном съезде Советов 13 мая 1925 г. Волеизъявление ее народа на такое объединение было законодательно закреплено уже в решениях I Учредительного съезда Советов Узбекистана 17 февраля 1925 г. В новых изданиях СЭС этот факт, наконец, учтен и читателю теперь сообщается, что Узбекская ССР находится «с 1925 г. в составе СССР как союзная республика» (СЭС. М., 1989. С. 1391).

А как освещаются все эти события в четырехтомной «Истории Узбекской ССР», которая пока что считается основным и наиболее совершенным изданием по истории нашей республики?

В специальном параграфе гл. V третьего тома «Истории Узбекской ССР» — «Проведение национального размежевания в Средней Азии и образование Узбекской ССР» — достоверными фактами и соответствующими теоретическими выводами конкретный день рождения республики не обосновывается, а лишь в общих словах сообщается о связанных с этим событиях. Вместе с тем указывается, что «5 декабря 1924 г. Революционный Комитет Узбекской ССР опубликовал воззвание ко всем трудящимся Узбекистана и известил об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики»⁸.

«...13—17 февраля 1925 г., — читаем далее, — состоялся I Учредительный съезд Советов республики, который должен был законодательно оформить создание Узбекской ССР, ее руководящих государственных органов власти и обсудить важнейшие вопросы хозяйственного и советского строительства... I съезд Советов, выражая волю народов Узбекистана, единодушно принял исторический документ — «Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики»⁹.

В однотомной же «Истории Узбекской ССР (С древнейших времен до наших дней)» говорится, что это Воззвание Ревкома было «о

⁴ Там же.

⁵ Узбекская ССР: Энциклопедический однотомник. Ташкент: Главная редакция УзСЭ. 1981. С. 109.

⁶ БСЭ. Т. 26. М., 1977. С. 462.

⁷ СЭС. М., 1980. С. 1387.

⁸ История Узбекской ССР. Т. III. Ташкент: Фан, 1967. С. 397.

⁹ Там же. С. 404—405.

принятии власти»¹⁰. И так, в двух изданиях одного научного учреждения — Института истории АН УзССР — об одном документе дается разное толкование.

Кроме того, в узбекских вариантах этих двух изданий название принятой на I Учредительном съезде Советов Узбекистана Декларации дается в различной редакции, что приводит к двоякому смыслу: в первом случае — «Узбекистон Совет Социалистик Республикасини ташкил этиш (т. е. о предстоящем — С. Х.) тўғрисида Декларация»¹¹, а во втором — «...ташкил этилганлиги (т. е. о совершенном, состоявшемся. — С. Х.) тўғрисидаги Декларация»¹². История хода событий и логика текста на русском языке показывают, что тут вернее второй вариант.

Подобные факты мы встречаем и в других исторических книгах. Так, в выпущенном в 1982 г. (на узб. яз.) Издательством «Укитувчи» учебном пособии «История Узбекской ССР» для 9—10-х классов средней школы говорится, что «27 октября 1924 года стало историческим днем образования Узбекской Советской Социалистической Республики, объединения в единое национальное государство узбекского населения («населения», а не «народа»? — С. Х.), рассеянного на территориях Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик и отдаленного друг от друга» (с. 124). И тут же отмечается, что в феврале 1925 г. I Учредительный съезд Советов принял Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики. Какой же день должны принять учащиеся за основную историческую дату?

Следует подчеркнуть, что до 1964 г. 5 декабря официально отмечалось как День образования республики¹³. Но со времени ее 40-летия этой датой стало считаться 27 октября 1924 г.

На наш взгляд, «свидетельство» на это вторичное рождение Узбекской ССР выдала специальная брошюра о 40-летию УзССР, подготовленная Идеологическим отделом ЦК Компартии Узбекистана¹⁴. В ней указывалось, что на просьбу народов Средней Азии о национально-государственном размежевании II сессия ЦИК СССР дала согласие 27 октября 1924 г. и этот день стал днем создания Узбекской ССР.

Недостаточная обоснованность в определении дня рождения республики и освещении всех аспектов данного вопроса находит свое отражение и в монографиях наших ученых. Так, Ч. Абуталипов в своей книге «Международные связи Узбекистана» проводит мысль о том, что Узбекистан был образован в 1924 г.¹⁵

Чл.-кор. АН УзССР А. И. Ишанов в своей монографии «Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа» тоже пишет, что «27 октября 1964 года исполнилось 40 лет со времени успешного проведения национально-государственного размежевания республик Средней Азии и создания суверенных социалистических республик — Узбекистана и Туркменистана, добровольно вошедших в состав союзного многонационального государства»¹⁶. Здесь перепутаны четыре важные исторические даты. Общеизвестно, что 27 октября еще не существовало ни одной упомянутой республики, Ревком по национальному размежеванию был соз-

¹⁰ История Узбекской ССР (С древнейших времен до наших дней). Ташкент: Фан, 1974. С. 399.

¹¹ История Узбекской ССР. Т. III. Ташкент: Фан, 1971. С. 420 (на узб. яз.).

¹² История Узбекской ССР: С древнейших времен до наших дней. Ташкент: Фан, 1974. С. 393 (на узб. яз.).

¹³ История Узбекской ССР в основных датах (1924—1965 гг.). Ташкент: Фан, 1966.

¹⁴ 40 лет Узбекской Советской Социалистической Республики. Ташкент: Объед. изд-во ЦК КПУз, 1964.

¹⁵ Абуталипов Ч. Международные связи Узбекистана. Ташкент, 1964. С. 4.

¹⁶ Ишанов А. Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. Ташкент, 1978. С. 220.

дан почти на месяц позже — 18 ноября 1924 г., Узбекская ССР образована в феврале 1925 г., а в состав СССР она вошла 13 мая того же года.

Монография «Образование и развитие Узбекской ССР» чл.-кор. АН УзССР А. А. Агзамходжаева непосредственно посвящена обсуждаемой проблеме. «День опубликования исторического воззвания Революционного Комитета Узбекской ССР — 5 декабря 1924 года,— отмечает автор,— признан официальной датой образования Узбекской Советской Социалистической Республики»¹⁷. При этом здесь же, в сноске говорится, что в литературе данное событие до сих пор датируется по-разному. Однако автор ограничивается кратким высказыванием своего мнения о том, что имеются не совпадающие с ним взгляды, не обосновывая фактами и научными выводами, почему же день опубликования Воззвания Ревкома получил такое признание. Правда, в книге «СССР — социалистическое государство советских народов», написанной им в соавторстве с чл.-кор. АН УзССР Ш. З. Уразаевым, А. А. Агзамходжаев вновь возвращается к этому вопросу. «5 декабря 1924 года,— пишут они,— в республиканских газетах было опубликовано обращение Революционного Комитета УзССР по поводу принятия власти. Этот день Постановлением ЦИК Советов Узбекской ССР от 12 декабря 1924 года был признан днем образования Узбекской Советской Социалистической Республики»¹⁸. Однако ссылка на это постановление вызывает дополнительные вопросы. Во-первых, неизвестно, на чем основывается данное постановление, а во-вторых, как его могло принимать не созданное еще правительство? Ведь ему только предстояло быть избранным в феврале 1925 г. на первом Учредительном съезде Советов республики.

В подготовленной и изданной Институтом философии и права АН УзССР трехтомной «Истории Советского государства и права Узбекистана» указывается, что «17 февраля 1925 г.— знаменательный день в истории узбекского народа — день провозглашения суверенного советского социалистического государства Узбекской ССР»¹⁹. Можно сослаться еще на десятки различных книг, изданных как в Узбекистане, так и за его пределами, но не получить единого ясного ответа на затронутый вопрос.

Исходя из этого, мы осмелимся утверждать, что выводы об образовании Узбекской ССР 27 октября или 5 декабря 1924 г. не соответствуют исторической правде и принципу историзма, да и диалектике общественного развития. Марксизм-ленинизм учит, что крупные исторические события и переломы никогда не возникают случайно или на основе какого-либо одного постановления, по воле отдельных людей или правительств. Они исторически зреют в течение определенного времени на основе диалектического развития борьбы народных масс.

Определение 27 октября 1924 г. днем рождения Узбекской ССР противоречит по сути и ленинской национальной политике. Ведь еще в первой Программе партии было признано право наций на самоопределение вплоть до самостоятельного отделения. «...Если мы хотим понять значение самоопределения наций...— писал В. И. Ленин,— то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»²⁰.

¹⁷ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1971. С. 87.

¹⁸ Агзамходжаев А. А., Уразаев Ш. З. СССР — социалистическое государство советских народов. Ташкент: Узбекистан, 1972. С. 20.

¹⁹ История Советского государства и права Узбекистана (1924—1937 гг.)... Т. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1963. С. 37.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259.

Анализ политической обстановки, социально-экономического положения Средней Азии к 1924 г. ясно показывает, что основной волей народов региона к тому времени было желание провести национально-территориальное размежевание и создать национальные советские социалистические государства, которые объединили бы в основном однородные нации. И исторические условия для этого были достаточно созревшими. Поэтому на основе принципа права наций на самоопределение местные партийные и государственные органы обращаются к. Правительствам РСФСР и СССР. Сначала СНК РСФСР (14 октября), а затем II сессия ЦИК Советов СССР (27 октября 1924 г.) дают согласие на это, одобряют требование широких трудящихся масс народов Средней Азии, считая, что «свободное волеизъявление трудового народа является самым высшим законом»²¹.

Постановление сессии, разумеется, сыграло большую роль в дальнейшем развитии начавшегося задолго до этого движения народов Средней Азии за проведение национально-государственного размежевания. Однако, если исходить из принципа добровольности в осуществлении национальной политики и конкретно-исторических условий того периода, то это еще не означало реального образования здесь национальных советских социалистических республик. К тому же это — не одновременный акт, а сложный историко-политический, социально-экономический и национальный процесс, требовавший проведения комплекса организационно-разъяснительных мер среди трудящихся масс. А это, в свою очередь, предполагало создание органов, способных взять на себя осуществление указанных задач.

В связи с этим ЦИК Советов Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской ССР 18 ноября 1924 г., через три недели после принятия II сессией ЦИК СССР известного постановления, принимают специальное постановление о прекращении своей деятельности и полной передаче власти до созыва учредительных съездов Советов Революционным Комитетам вновь образуемых республик и автономных областей.

Временный Революционный Комитет Узбекской ССР во главе с Ф. Ходжаевым подготовил Воззвание ко всем трудящимся Узбекистана, с которым выступил в печати 5 декабря 1924 г. Как отмечалось в Воззвании, Революционному Комитету «вверено заложить первый камень фундамента и приступить к строительству новой Узбекской Советской Социалистической Республики, вступившей на путь исторического развития»²². Обратим внимание и на то, что Революционный Комитет как временное правительство Советского Узбекистана объявил всем трудящимся массам рабочих, батраков и дехкан, что «его первой задачей является подготовить созыв первого съезда рабочих, дехкан, кизил-аскеров и красноармейцев УзССР для избрания постоянного правительства». Далее подчеркивалось, что этот съезд должен быть созван в кратчайший срок. Исходя из этого, Ревком подробно изложил в Воззвании свои ближайшие и перспективные программные задачи, для осуществления которых призывал рабочих, дехкан, работниц дружно слить все силы «в одной общей работе строительства молодой Узбекской Советской Социалистической Республики». Это — создание активного, гибкого, работоспособного, дешевого и близкого к широким слоям населения государственного аппарата, обеспечение полного равноправия всех наций, женщин, защита завоеваний Октября, народное образование, налаживание медицинской помощи, повышение благосостояния трудящихся, подъем экономики и т. д.

Хотя Воззвание начиналось объявлением того, что «воля трудя-

²¹ История Узбекской ССР. Т. III. С. 396.

²² Правда Востока. 1924. 5 дек.

щихся масс узбекского народа выполнена. Узбекский народ самоопределился в Советскую Социалистическую Республику...», с учетом изложенных выше обстоятельств и задач день его образования все-таки, на наш взгляд, следует признать не датой рождения республики, а одним из основных этапов продвижения к этому. При этом мы основываемся на том, что, во-первых, к тому моменту республика еще не успела окончательно оформиться, во-вторых, там, где власть должна принадлежать народу, за доказательство его самоопределения, думается, правильнее брать не разрешения, согласия «сверху», не признания или воззвания временного правительства, а решение, декларацию самого народа в лице его представительного органа — как выражение действительного волеизъявления масс. Так оно и произошло в феврале 1925 г.

Что же касается Ревкома, то он не был образован непосредственно всенародными представителями — депутатами, а возник на основе взаимного соглашения бывших партийных организаций и правительств трех республик Средней Азии. Главной его задачей были, как уже отмечалось, выработка «проекта» создания Узбекской ССР и представление его, после всенародного обсуждения, Учредительному съезду Советов. Он действовал в качестве временного правительства переходного периода, необходимого до образования республики, не распуская и полностью подчиняя себе составы бывших правительств, которые выполняли управленческую функцию на местах. А Воззвание Ревкома — это конкретный пример реализации обусловленных Советской властью принципов народности и демократии с той целью, чтобы народные массы в Узбекистане до Учредительного съезда Советов знали о своем территориально-государственном образовании и провели широкое обсуждение его.

Исходя из всех этих соображений, диалектики исторических событий и сообразуясь с принципами логики, мы полагаем правильным считать днем рождения Узбекской ССР 17 февраля 1925 г. — день окончательного ее юридического и фактического оформления и принятия об этом Декларации I Учредительным съездом Советов Узбекской ССР. Уже сам факт названия его — «Учредительный» — говорит о том, что он имел специальные полномочия для свершения этого акта. Кстати сказать, и день образования Союза ССР мы связываем именно с фактом принятия I съездом Советов ССР 30 декабря 1922 г. Декларации об образовании СССР.

Следует также отметить, что через два дня после принятия Декларации газета «Правда Востока» в передовой статье «Яшасун Узбекистон (К провозглашению Узбекской республики)» писала: «День 17 февраля войдет в историю узбекского народа как великий день... Отныне узбекский народ, дехканство и батрачество, рабочие организованы в свое собственное социалистическое государство, входят на началах равенства в великий государственный союз трудящихся всех наций — Союз Советских Социалистических Республик». Далее газета подчеркивает, что 17 февраля «есть день величайшего торжества идей Советской власти»²³.

Об образовании Узбекской ССР именно на I Учредительном съезде Советов свидетельствует и участвовавший на нем Всероссийский староста М. И. Калинин. В беседе, которую М. И. Калинин провел с представителями печати сразу же по приезде в Ташкент, он сказал: «В нашем союзе каждая нация, каждый народ, объединенный в свою республику, имеет широчайшую свободу волеизъявления. Мы ничего не навязываем сверху. То же самое о национальном размежевании»²⁴.

Национальное размежевание не было навязано «сверху», не продик-

²³ Правда Востока. 1925. 19 февр.

²⁴ См.: История Узбекской ССР. Т. III. С. 306.

товано сессией ЦИК СССР, а осуществлено на основе свободного волеизъявления народов Средней Азии.

Приветствуя Учредительный съезд Советов Узбекской ССР, М. И. Калинин сказал: «Сегодня открылся I съезд Узбекистана, что это значит I съезд? Это значит — в сегодняшний день мы закладываем первые кирпичи нового государственного здания. Это значит — в сегодняшний день мы приступаем к государственному строительству новой социалистической республики»²⁵.

17 февраля 1925 г. на вечернем заседании съезда Ф. Ходжаев огласил текст «Декларации об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики», который был принят единогласно. Затем, после избрания Центрального Исполнительного Комитета Узбекской ССР, состоялась его первая сессия, где Председателем ЦИКа был избран Ю. Ахунбабаев. Таким образом, 598 народных представителей, выражая волю всех трудящихся масс Узбекистана, в тот день торжественно возвестили всему миру о создании собственной суверенной Советской Социалистической Республики и о добровольном вхождении ее в состав Союза ССР в качестве полноправного члена.

Примечательно и то, что поздравления множества партийных и государственных деятелей от имени трудящихся городов и сел в связи с образованием Узбекской республики поступили в адрес Учредительного съезда, а не на имя Ревкома, опубликовавшего 5 декабря 1924 г. упомянутое Воззвание.

«Во имя осуществления национального самоопределения на авансцене Советской власти на Востоке,— говорилось в Декларации,— в Средней Азии — после ликвидации всех препятствий к полной реализации основных идей национального самоопределения... впервые в истории этого народа учреждается Узбекская Союзная Советская Социалистическая Республика Рабочих и Крестьян со вхождением в нее Таджикской Автономной ССР»²⁶.

Итак, мы считаем, что днем образования Узбекской ССР надо однозначно признать 17 февраля 1925 г. и торжественно отмечать этот день как праздник узбекского народа, всех трудящихся Советского Узбекистана, суверенного, равноправного члена Союза ССР.

²⁵ Калинин М. И. Избр. произв.: В 4-х томах. Т. I. М.: Госполитиздат, 1960. С. 233.

²⁶ Первый Всеузбекский съезд Советов рабочих, دهقانских и красноармейских депутатов Узбекской Советской Социалистической Республики: Стеногр. отчет, февраль, 1925 г. Ташкент: Изд. ЦИКа УзССР, 1925. С. 105.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО
СТИМУЛИРОВАНИЯ ЗА ВНЕДРЕНИЕ НОВОЙ ТЕХНИКИ

XXVII съезд КПСС подчеркнул, что важнейший фактор повышения эффективности общественного производства — всемерное ускорение научно-технического прогресса¹ во всех отраслях народного хозяйства, укрепление связи науки с производством в целях интенсификации и повышения его эффективности.

Главные направления научно-технического прогресса — расширение масштабов технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий, замены старой техники новой, а также внедрение прогрессивной технологии.

Всемерное внедрение новой техники и технологии выступает решающим фактором повышения производительности труда. Оно позволяет сокращать рабочее время, затрачиваемое на производство единицы продукции, экономить материалы, топливо, энергию, улучшать качество продукции, значительно облегчает труд работников, изменяя его характер и содержание, сокращая сферы применения ручного труда, особенно неквалифицированного. Так, производительность труда при работе на новом оборудовании в 3—4 раза выше, а к тому же сокращаются затраты на ремонтные работы.

Внедрению новой техники и технологии во многом способствует активное участие работников народного хозяйства в движении изобретателей и рационализаторов.

Особое значение имеет внедрение новой техники в машиностроении, от успехов развития которого непосредственно зависит ускорение технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства. На предприятиях машиностроительного комплекса все шире внедряются в жизнь научно-технические идеи, создаются новые системы машин, орудия труда, используемые в других отраслях, позволяющие освоить там принципиально новые технологии, повысить производительность труда и качество продукции, улучшить их экономические показатели.

На машиностроительных предприятиях Узбекистана ежегодно внедряются новое оборудование, механизированные и автоматизированные линии, участки, цехи, производства, увеличивается применение металлосберегающей технологии. Все большее применение находят такие виды новой техники, как оборудование с числовым программным управлением (ЧПУ), цикловая автоматика (станки-автоматы, полуавтоматы, автоматические прессы, литейные полуавтоматы и т. д.), различные роботы.

И тем не менее на предприятиях отрасли имеется еще много физически и морально устаревшей техники. Только на машиностроительных предприятиях республики она составляет 40% всей действующей техники. Слишком низки темпы внедрения новой техники. В развитых капиталистических странах действующая техника заменяется в течение 3—4 лет на новую, более производительную. У нас же срок обновления машин и оборудования в 10 раз и более превышает необходимый. Так, полное обновление машин и оборудования в НПО «Узбекхлопкомаш» осуществляется за 45 лет, в ПО «Средазкабель» — за 33 года. Доля же новой техники в общем объеме используемого оборудования на предприятиях составляет от 4 до 20%. На НПО «Узбекхлопкомаш» более 20% техники имеют срок службы свыше 20 лет.

Ускорение темпов технического прогресса, внедрения новой техники зависит от эффективного использования ленинского принципа материальной заинтересованности. Для ускорения и широкого внедрения новейшей техники, говорится в документах XXVII съезда КПСС, необходимо «создание таких материальных условий... в каждом коллективе», при которых «трудящиеся... станут заинтересованными и активными участниками этого большого дела»².

В. И. Ленин указывал, что необходимо «упорнее работать над изучением и улучшением способов применения премиальной системы, а никак не вести к отказу от нее»³. Ленинское учение о роли премирования нашло дальнейшее развитие в экономической

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 231.

² Там же. С. 234.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 180.

деятельности КПСС. Как отмечает М. С. Горбачев, там, где соревнование трудовых коллективов за достижение высоких производственных показателей «подкрепляется материальными и моральными стимулами, там достигаются замечательные результаты»⁴.

В экономической литературе не сложилось еще единства в понимании природы материальной заинтересованности. Некоторые экономисты путают понятия «экономический (материальный) интерес» и «материальную заинтересованность»⁵. Они отождествляют экономические интересы и материальную заинтересованность с производственными отношениями, из чего следует вывод, что сознание не играет никакой роли в формировании экономических интересов и заинтересованности.

Мы придерживаемся той точки зрения, что порожденные производственными отношениями экономический интерес и материальная заинтересованность — это категории, связанные между собой, но не тождественные. Изучая сущность социалистических экономических интересов, В. В. Радаев справедливо отмечает, что «заинтересованность выступает формой реализации интереса в самих действиях людей. Связь между интересом и заинтересованностью не прямая, а опосредованная стимулом»⁶.

Так, для удовлетворения своих материальных потребностей люди включаются в производство, при этом осознание данной необходимости выступает как экономический интерес, а побуждение воплотить в реальность объективные требования — как материальная заинтересованность.

На наш взгляд, правильна точка зрения тех экономистов, которые подчеркивают, что, будучи порождением производственных отношений, экономические интересы проходят через осознание людей, становятся направляющей силой, создающей материальные стимулы к деятельности⁷.

Верный методологический подход в определении стимула и интереса отмечается при разграничении экономического стимула и интереса в системе экономического стимулирования. Стимулы рассматриваются как внешнее побуждение, а материальную заинтересованность связывают с мотивом, т. е. с внутренней побудительной силой.

Возникновение экономических стимулов становится необходимым при реализации экономического интереса и при существовании противоречий между отдельными формами этих интересов. Так, внедрение новой техники на предприятиях в перспективе повышает эффективность производства, позволяет полнее удовлетворять потребности общества и всего народного хозяйства в целом. Но, учитывая текущие интересы предприятия, выражающиеся в результатах текущего хозяйствования, надо предусмотреть, что при внедрении новой техники, ее освоении коллектив предприятия временно понесет существенные убытки. Таким образом, получится несовпадение интересов, в данном случае общества и коллектива. Для ликвидации этих противоречий необходимо создание системы экономических стимулов, обеспечивающих единство различных видов интересов. Они порождают материальную заинтересованность как у работников, так и у коллективов, направляя их деятельность на наиболее полное удовлетворение потребностей общества.

Как справедливо отмечает И. С. Пастухов, «заинтересованность не проявляется у работников сама по себе подобно потребностям. Это навязываемый извне интерес, рожденный стимулами, явившийся результатом взаимосвязи индивидуальных коллективных и общественных интересов личности и коллектива. И как производный интерес, заинтересованность привязывает индивидуальные интересы к коллективным или общественным, а коллективные к последним»⁸.

Для обеспечения реальной заинтересованности субъектов производства в удовлетворении требований экономических стимулов и применяется экономическое стимулирование, эффективность которого зависит от глубины познания экономических интересов через экономические отношения.

Основная задача экономического стимулирования — создать необходимые условия, которые обеспечивали бы материальную заинтересованность субъектов в достижении максимальных результатов. Это достигается использованием таких экономических инструментов и рычагов, как хозрасчет, кредит, цены, прибыль, заработная плата, премии, специальные фонды и др.

Рассматривая экономическое стимулирование новой техники, большинство экономистов относят к его содержанию следующие функции: финансирование процесса новой техники; ценообразование по новой технике; материальное стимулирование лиц и коллективов, участвующих в этом процессе.

Материальное стимулирование за внедрение новой техники существует наряду с материальным стимулированием за основную производственную деятельность. Оно опирается на материальную заинтересованность и направлено на усиление материаль-

⁴ Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1985. С. 25.

⁵ Палкин Ю. И., Ещенко П. С. Экономические законы и экономическая политика КПСС. Киев, 1985. С. 140.

⁶ Радаев В. В. Экономические интересы при социализме. М., 1981. С. 149.

⁷ См.: Егназарян Г. А., Емельянов А. М., Михайлов М. В. Коллективные материальные интересы при социализме. М., 1968. С. 6—8.

⁸ Пастухов И. С. Экономические интересы, производство и обмен при социализме. Воронеж, 1985. С. 43—44.

ной и моральной заинтересованности отдельных работников и коллективов в повышении уровня общественного производства, внедрении новой техники.

Материальное стимулирование реализуется через вознаграждение лиц, участвующих в трудовой деятельности, направляет их усилия с целью согласования их интересов с интересами коллективов и общества. Заинтересованность работников вызывается такими стимулами, как зарплата и премии, а заинтересованность коллективов — частью прибыли, оставляемой в их распоряжении.

Рассматривая стимулы как форму реализации экономических интересов и разрешения их противоречий, следует отметить, что материальные стимулы проявляются через системы материального поощрения и материальной ответственности.

В условиях внедрения принципов полного хозрасчета наиболее эффективным фактором роста производительности труда, внедрения новых средств производства, технологических процессов, новой продукции становится органическое сочетание материального поощрения и материальной ответственности, как равнозначных сторон материального стимулирования.

В тесной связи принципа материального поощрения и ответственности заключается одна из центральных ленинских идей проведения хозрасчета. Ленинское положение об ответственности при хозрасчете особенно актуализируется в период перевода всех предприятий на полный хозрасчет. «...Тресты и предприятия на хозрасчете, — говорил В. И. Ленин, — основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий»⁹.

Данный подход позволяет рассматривать проблему материального стимулирования с двух сторон. С одной, — способствуют ли условия производства заинтересованности работников предприятий и организаций в установлении и достижении высоких показателей производственно-хозяйственной деятельности, в быстром и эффективном внедрении новой техники на основе материального поощрения за высокие конечные результаты. С другой, — имеются ли условия, позволяющие работникам избежать ответственности за снижение показателей производственно-хозяйственной деятельности.

Материальная ответственность — категория специальная. Она может возникнуть только в результате реализации отношений между людьми или коллективами как отношений в обществе. Материальная ответственность — один из принципов хозрасчета, цель ее — устранение и предупреждение нарушений общественно нормальных условий производства. Поэтому материальная ответственность есть форма реализации экономических интересов социалистического общества, органически связанная с основным экономическим законом социализма.

Материальная ответственность позволяет не только устранить допущенные нарушения, но и вскрывать причины их возникновения во избежание их повторения. Любое нарушение общественно нормальных условий, ухудшение производственно-хозяйственной деятельности должно отражаться на размере получаемого вознаграждения.

Отдельные экономисты отождествляют понятия «материальное поощрение» и «материальное стимулирование», не принимая во внимание материальную ответственность как структурный элемент материального стимулирования¹⁰. Другие, как нам кажется, более правомерно высказываются за внедрение материальной ответственности как самостоятельного принципа хозрасчета, учитывая важность выполняемых ею функций¹¹.

Таким образом, материальная ответственность вместе с материальным поощрением являются структурными элементами материального стимулирования и направлены на достижение наилучших результатов работы при наименьших затратах.

Сложность системы материального стимулирования за внедрение новой техники состоит в том, что данный процесс связан с экономическим и производственным риском и имеет известную неопределенность.

Сущность системы материального стимулирования заключается в создании экономических условий, при которых предприятия, руководствуясь своими интересами, развивают производство в соответствии с интересами общества, а в результате повышается эффективность общественного производства.

При определении размера материального стимулирования необходимо учитывать, что поощрение должно быть достаточно ощутимым, иначе оно не будет иметь должного воздействия, а также определять величину разрыва во времени между работой и вознаграждением: чем меньше разрыв, тем больше эффект стимулирования.

В общей системе материального стимулирования ведущее место занимает стимулирование научно-технического прогресса, одним из элементов которого является стимулирование за ускорение внедрения новой техники, повышающей эффективность всего производства. Необходимо глубже изучать и совершенствовать систему стимулирования технического прогресса, учитывая реальные сложности, противоречия, возникающие во время создания и внедрения новой, высокоэффективной техники, преобладающей в производстве.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 150.

¹⁰ См.: Гулинский Я. П., Киперман Г. Я., Машякин Е. А. Стимулы развития внутризаводского хозрасчета. М., 1971; Дризе И. Д., Егызарян Г. А., Карпухин Д. М. Фонд материального поощрения. М., 1968.

¹¹ См.: Быков А. Г., Ровинский М. М. Влияние имущественных санкций на хозрасчетную деятельность предприятий и организаций. М., 1970. С. 23.

В целом процесс внедрения технических новшеств нарушает привычный ход производства, что, в свою очередь, отражается на основных технико-экономических показателях, от которых зависят поощрительные фонды, а это резко снижает заинтересованность производственных коллективов во внедрении и освоении новой техники.

Как показывает опыт, процесс внедрения новой техники на многих предприятиях менее выгоден, чем использование старой, так как внедрение новой техники связано с перестройкой производства, что приводит к временному снижению фондоотдачи, замедлению темпов роста производства и др.

В результате нередки случаи, когда приобретаемая предприятиями новая техника годами не внедряется в производство. Так, еще достаточно высок показатель неустановленного оборудования на предприятиях машиностроения, как ПО «Узбексельмаш», ПО «Средажкбель», завод «Ташсельмаш» и др. При этом сохраняется и достаточно высокий удельный вес рабочих, выполняющих работу вручную.

Для ускорения процесса внедрения новой техники в производство (приобретение новой техники, установление ее, пуск в эксплуатацию, переподготовка кадров и др.) необходимо материально заинтересовать коллективы предприятий посредством привлечения дополнительных и лучшего использования имеющихся материальных средств.

Первый период внедрения новой техники характеризуется некоторым ухудшением технико-экономических показателей предприятий и объединений, что, повторяем, отрицательно сказывается на заинтересованности всего коллектива во внедрении нововведений. Вот почему необходимо для предприятий, внедряющих новую технику, создавать определенные преимущественные условия, что далеко не всегда учитывается на практике. Так, предприятия, внедряющие технические новшества, зачастую находятся в худших условиях, часто испытывают финансовые и технические трудности. Значит, они должны иметь необходимые гарантии против производственного и финансового риска, возникающего в условиях нового производства.

Ускорению внедрения новой техники и технологии способствует создание таких условий, при которых предприятия и объединения были бы заинтересованы во всемерном повышении эффективности производства на новейшей, передовой технической основе, а сам процесс внедрения обеспечивал бы высокий экономический эффект за счет повышения производительности труда, роста качества и объема продукции.

Процесс внедрения новой техники наиболее эффективен при обеспечении материальной заинтересованности в нем как у производителей, так и у потребителей; если у производителя при этом улучшаются экономические показатели работы, у потребителя повышается эффективность производства при быстрой окупаемости средств, вложенных в новую технику.

Осуществление материального стимулирования должно способствовать также быстрейшему разрешению противоречий, при которых основным должен стать принцип: то, что выгодно обществу, должно быть выгодно для отрасли, отдельного производственного коллектива, каждого работника.

Процесс внедрения новой техники нередко приводит к уменьшению объема получаемой на предприятии прибыли, которая служит основным источником создания фонда экономического стимулирования. Лишь небольшая часть его компенсируется за счет особых премиальных фондов за новую технику. В итоге предприятия поощряются за текущие результаты, а перспективный эффект учитывается слабо. «Поэтому, — справедливо замечает Л. М. Гатовский, — важная исходная проблема использования экономических стимулов научно-технического прогресса — полностью нейтрализовать в период освоения влияние факторов, ослабляющих заинтересованность предприятий и объединений в выпуске и эксплуатации новой высокоэффективной техники»¹².

Практика работы предприятий показывает, что занижение нормативов отчисления в поощрительные фонды, недостаточное стимулирование предприятий за новую технику сказываются на снижении эффективности всего общественного производства.

Следовательно, необходимо совершенствование общей системы материального стимулирования, в частности взаимоотношений между материальным поощрением за общие результаты хозяйственной деятельности предприятий и за внедрение новой техники. Без этого практически невозможно открыть широкий простор научно-техническому прогрессу в общественном производстве.

М. В. Ковшо

¹² Гатовский Л. М. Экономические стимулы научно-технического прогресса. Вопросы экономики. 1981. № 2. С. 65.

О СОСТОЯНИИ НАУКИ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОРОДАХ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

(По данным восточных рукописей из фонда ИВ АН УзССР)

XVI—XIX вв. по сравнению с более ранним периодом были менее благоприятными для развития науки в городах Средней Азии. Культурная жизнь среднеазиатского

общества испытывали мощное воздействие со стороны влиятельного мусульманского духовенства и отличалась еще большей отсталостью и консервативностью, что не могло не сказаться на состоянии науки того времени. Видимо, в силу этого изучению науки, особенно естественных наук, в данную эпоху уделялось мало внимания. Достаточно обратиться за справкой к такому большому сводному труду по истории народов Средней Азии, как «История Узбекской ССР», выдержавшая уже три издания. В т. 2 «Истории народов Узбекистана», вышедшем в 1947 г.¹, нет ни слова о состоянии естественных наук в XVI — первой половине XIX в., во втором издании² — тоже. И лишь в третьем издании³ в разделе «Культура Мавераннахра в XVII—XVIII вв.» мы находим два абзаца о науке. Первый абзац (13 строк) гласит: «Точные и естественные науки подвергались полному изгнанию... Математика сводилась теперь к некоторым начаткам геометрии и главное применение находила при решении некоторых практических задач, главным образом при сложном по мусульманскому праву дележе наследства («фаранз»)» (с. 582). Ни одного имени ученого здесь не упоминают. Следующий абзац (10 строк) посвящен медицине, где сказано, что Субханкули-хан построил в Бухаре лечебницу.

Однако изучение многочисленных рукописей на арабском, персидском и тюркском языках⁴, написанных как в самой Средней Азии, так и за ее пределами, позволяет сделать вывод, что хотя в данную эпоху уже не встречаются, как в прошлые века, крупные ученые в области естественных наук, прославившие своими именами науку Средней Азии, но определенная научная деятельность здесь все же продолжалась. Естественные науки в значительной мере базировались на достижениях более раннего периода, осваивались и комментировались труды таких ученых, как Мухаммад Хорезми (783—850), Абу Наср Фараби (873—950), Абу Райхан Беруни (973—1048), Ибн Сина (980—1037), Улугбек (1394—1449) и представители самаркандской школы Улугбека — Джамшид Каши (ум. ок. 1480 г.), Казизада ар-Руми (1360—1437), Али Кушчи (ум. в 1474 г.) и др. Почти к каждому из классических сочинений было написано по несколько комментариев. В них не только разъяснялись теории предшественников, но зачастую высказывались новые идеи и личные мнения комментаторов. Комментарии нередко писали также с целью создания учебного пособия⁵.

К сожалению, далеко не все авторы этих трудов указывали свое имя и другие данные. Поэтому несколько десятков сочинений по математике, астрономии и иным естественным наукам остаются для нас анонимными: неизвестны имя автора, название сочинения, место и время его написания и т. д. Здесь мы назовем несколько достоверно установленных имен и названий трудов тех ученых XVI — первой половины XIX в., которые жили и творили на территории современного Узбекистана.

Математика. Математика была необходима строителям, землемерам, ремесленникам. Изучение среднеазиатских архитектурных памятников позволяет сделать вывод о том, что строители обладали математическими познаниями. Для математики Средней Азии, как и других стран Ближнего и Среднего Востока, характерно усиленное внимание к арифметике и алгебре, разработке различных вычислительных приемов, измерительной геометрии. Математика часто использовалась в решении практических задач, например, в дележе наследства по мусульманскому праву («илм-и фаранз»).

Основными центрами развития науки были Бухара и Самарканд, славившиеся своими книжными базарами и богатыми библиотеками. Библиотеки имелись при дворцах правителей, медресе, а кроме того, целые коллекции книг принадлежали отдельным частным лицам. Дошедшие до нас десятки тысяч восточных рукописей тех времен — яркое тому свидетельство.

Известен ряд бухарских ученых XVI—XIX вв., создавших труды по математике. Так, в Бухаре жил и работал выходец из Хорасана Мухаммад-Амин б. Убайдаллах ал-Муминабади. Известны два его труда по математике:

1) «Арифметические действия с помощью сетки» («Хисаб-и амал-и шабака»), написанный в 1550 г.; в трактате приводится чертеж и объясняются способы получения результатов арифметических действий по чертежу;

2) «Комментарии к «Наследственному праву» Сираджаддина» («Шарх-и фаранз-и Сираджийа»)». (Трактат Сираджаддина ас-Сиджаванди, написанный в 1203 г., был одним из самых популярных практических руководств по наследственному мусульманскому праву).

Большой популярностью пользовались труды бухарского муфтия Баба-калана Муфти ас-Самарканди, современника Шейбанида Убайдаллах-хана (1533—1539). Его

¹ История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947.

² История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. первая. Ташкент, 1955; Кн. вторая. Ташкент, 1956.

³ История Узбекской ССР. Том первый. Ташкент, 1967.

⁴ Основным материалом для изучения истории науки в Средней Азии нам послужили рукописи из фонда ИВ АН УзССР.

⁵ Матвиевская Г. П. Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. Ташкент, 1967; Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды. Кн. 1—3. М., 1983.

⁶ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (СВР). Т. XI. Ташкент, 1987. № 7076, 6.

математические трактаты: «Трактат по арифметике» («Рисала дар илм-и хисаб»)⁷, «Четыре вида завещаний» («Васийат бар чахар киом»)⁸ и др.—служили учебниками в среднеазиатских медресе.

На рубеже XVI—XVII вв. в Бухаре работал судья, знаток математики Турсун аз-Замини. Его труд «Подарок эмиру»⁹ по вопросам раздела наследства охватывал все основные положения по мусульманскому наследственному праву, почерпнутые из трудов других законоведов.

Вопросами мусульманского права занимался и другой бухарский ученый, математик и юрист Саки Мухаммад ас-Сан Чахарйаки¹⁰. Кроме трудов о применении математики при разделе наследства, написанных в 1681—1704 гг., он известен как составитель математических сборников и переписчик математических трактатов.

Чиновники эмирских канцелярий, связанные с поземельно-податным учетом, пользовались написанным в Бухаре в 1798 г. сочинением Мирзы Бадн-дивана «Предписания фиска» («Маджма ал-аркам»¹¹). В нем излагаются основные правила составления налоговых реестров. Большое место занимают сведения по математике и астрономии, знание которых было необходимо чиновникам финансового ведомства.

Бухарский казий Абдассамад б. Кази Мухаммад Акбар-хан, известный как Хан-Улум, живший во времена бухарского эмира Хайдара (1800—1826), написал комментарии на пользовавшийся большой популярностью трактат иранского ученого Бахааддина Амили (ум. в 1621 г.) «Сущность арифметики» («Хуласат ал-хисаб»)¹².

Астрономия. Получила развитие и астрономическая наука. Мухаммад-Хусайн ал-Мунаджжим ал-Бухари, живший во времена Шейбанида Абдаллах-хана II (1583—1598), написал трактат «Определение азимута киблы» («Ма'рифат-и самт-и кибла»). В трактате излагаются правила определения направления киблы для городов Бухары, Самарканды, Хорезма, Герата и др. Этой же теме посвятил свой труд работавший в Бухаре и Самарканде известный философ и астроном Абу Йакуб Йусуф б. Мухаммад-Джан ал-Карабаги (ум. в 1645 г.). В его «Трактате об уточнении направления киблы»¹³ приведены более точные данные азимутов киблы для городов Мавераннахра.

В 1678 г. был составлен сборник трактатов по астрономии; составитель — бухарский астроном Баба Хаджа б. Хаджа Ариф Самарканди.

Упомянутый выше Турсун аз-Замини в «Трактате об уточнении индийского круга» («Рисала фи тахик ад-даира ал-хиндийа»¹⁴ описал астрономический инструмент, известный на средневековом Востоке под названием «индийский круг».

Некоторое участие в написании книг принимали даже феодальные правители. Так, бухарский правитель Аштарханид Субхан-Кули Бахадур-хан (1680—1702) написал астрономический трактат «Сущность лунных фаз в предсказании счастливого часа» («Лубб ал-лаванх ал-камар фи-л-ихтийарат»¹⁵).

Значительный вклад в астрономическую науку внес известный таджикский просветитель Ахмад б. Наср Даниш Бухари (1827—1897). Ему принадлежат следующие труды: «Наблюдение звезд» («Маназир ал-жавакиб»)¹⁶ — о построении астрономического календаря, «Уравнение Солнца в знаках Зодиака» («Тадил аш-Шамс дар бурдж»), «Различные пользы наук о звездах» («Фаваид-и мутафаррика дар илм-и нуджум»), «Трактат о построении сферы» («Рисала фи амал ал-курра»¹⁷, «Таблица часов восхода и захода Солнца» («Джадвал-и саат-и тулу ва гуруб-и шамс»), «Дополнение к «Зиджу Мухаммад-Шаха» Савай Джай Сингха (ум. в 1743 г.) и др.

Среди самаркандских ученых XVI—XIX вв., создавших труды по математике и астрономии, можно упомянуть Махмуда б. Ахмада ал-Фариси, написавшего в 1617 г. сочинение о движении Луны и лунных фазах «Трактат об уравнении Луны» («Рисала дар муаддат-и камар»), и последователя самаркандской школы Улутбека Таджа ас-Самди (ум. в 1568 г.).

Тадж ас-Самарканди известен следующими трудами: 1) «Примечания к комментариям к «Предложениям обоснования» («Хашийа ли шарх Ашкар ат-тасис»). Автор «Предложений» — Шамсадин Самарканди. XIII в. Сочинение посвящено изложению «Начал» Евклида. Кази-зада ар-Руми написал к нему комментарии; к этим комментариям и составил свои примечания Тадж ас-Самарканди); 2) «Трактат о возможности трисекции углов» («Рисала фи имкан таслис аз-завайя»); 3) «Синус в системе круга» («Джайб-и тартиб-и даира»); 4) «Тонкости речи о звездах» («Латиф ал-калам фи-н-нуджум»); 5) «Трактат по астрономии» («Рисала дар хайат»).

География. В XVI—XIX вв. продолжала развиваться географическая наука. По-

⁷ СВР. XI. № 7076, 5.

⁸ СВР. IV. № 3157.

⁹ СВР. XI. № 7076, 16.

¹⁰ СВР. XI. № 7076.

¹¹ Мирза Бадн-диван. Маджма ал-аркам/Введение, перевод, примечания А. Б. Вильдановой. М., 1981.

¹² СВР. XI. № 7092.

¹³ СВР. V. № 3851.

¹⁴ СВР. I. № 527.

¹⁵ СВР. VII. № 5424.

¹⁶ СВР. I. № 529.

¹⁷ СВР. VI. № 4273.

мимо специальных трудов, сведения по географии имелись во многих исторических сочинениях того периода. Это были путевые записки путешественников, мемуары, переводы на местные языки более ранних сочинений на арабском языке, труды по космографии, основанные на математике и астрономии. В историческом сочинении «Шараф нама-йи шахи» Хафиза Таниша Бухари¹⁸, написанном в 1584—1591 гг., имеются ценные сведения по исторической географии городов Мавераннахра: Самарканда, Бухары, Хорезма, Ходжента.

Сайид Мухаммад Тахир б. Абу-л-Касим в 1645—1650 гг. написал географическо-космографический труд «Чудеса [земных] поясов» («Аджанб ат-табакат») ¹⁹. Основная часть его посвящена описанию примечательностей «Семи климатов», данные о которых заимствованы у географов X—XII вв. Наибольший интерес представляет раздел, посвященный географии Средней Азии и Хорасана.

Хивинский хан и историк Абулгази (1643—1663) в своем труде «Родословное древо туркмен»²⁰, написанном на узбекском языке, дает много сведений по географии ряда стран от Китая до Египта. Особенно подробно излагается география Средней Азии. В труде приведено 110 географических названий.

Мир Абдалкарим б. Мир Исмаил Бухари, посетивший в составе посольства бухарского эмира в 1804 г. Петербург, Москву, Астрахань, а также побывавший в Турции, в своем труде «История Центральной Азии» сообщает географические сведения о Дашт-и Кипчаке, Ферганской долине, Туркестане, Кашгаре.

Худайберди б. Куш Мухаммад, уроженец Хорезма, в 1831 г. написал труд на узбекском языке «Сердце редкостей» («Дил-и гаранб») ²¹, в котором содержатся сведения из разных наук: географии, астрономии, алхимии и др. Подробно описывается география Хорезма.

Историко-топографическому описанию Самарканда и его округа посвятил свой труд «Самария» (1835) Абу Тахир б. Казн Абу Саид Самарканди ²².

В 1843 г. была осуществлена таджикская редакция историко-географического описания мира «Зеркало мира», («Джахан-нама») турецкого ученого Хаджи Халифы (Катиба Чалаби, ум. в 1657 г.). Труд содержит карты континентов мира; редактор его — Мир Абу-л-Касим-хаджа Байсуни-йи Бухари ²³ — продемонстрировал интерес передовых людей своего общества к географическим сведениям не только о Средней Азии, но и других странах.

Медицина. Большой популярностью среди населения Средней Азии пользовались труды по медицине: лечебники, руководства по фармакологии, гигиене и др. Среди них были переводы на местные языки классических трудов восточных ученых; составлялись трактаты и местными учеными.

Султан Али, долгое время занимавшийся врачебной практикой в Самарканде, составил в 1526 г. «Руководство по врачеванию» («Дастур ал-иладж») ²⁴, которое содержит общее учение о болезнях и частную терапию. Позже этот труд был переведен неизвестным переводчиком на узбекский язык.

Мулла Мухаммад Йусуф Каххал, личный врач правителя Самарканда Абдаллатиф-хана (1540—1551), был автором трактата «Изучение лихорадок» («Тахкик ал-хуммайат») ²⁵, в котором разбираются причины заболевания и методы лечения лихорадок. Ему же принадлежит другой труд — «Оливки произведений окулистов» («Зубдат ал-каххалин») ²⁶, посвященный глазным болезням.

Убайдаллах б. Йусуф Али из Ташкента в 1562—1568 гг. написал трактат «Исцеление больного» ²⁷, представляющий собой лечебник всех болезней «с головы до ног». В нем использованы труды известных восточных медиков, а также личный опыт автора как врача.

Упомянутый выше аштарханидский правитель Субхан-Кули-хан имел познания в медицине и сам занимался врачеванием. Его труд «Субханкулиеве оживление медицины» («Ихйа ат-тибб Субхани») ²⁸ посвящен описанию болезней, их распознаванию и лечению.

Известно два медицинских труда Салиха б. Мухаммад Салиха Кандахари (уроженец Герата, жил в Бухаре). Первый труд — «Достойный подарок» («Тухфа-йи шаиста») ²⁹ написан в 1775 г. и содержит учение о детских болезнях. Второй труд — «Подарок безгрешным» («Тухфа-йи масумин») ³⁰ рассказывает о профилактике детских болезней, о бесплодии и лечении его.

¹⁸ СВР. I. № 149.

¹⁹ СВР. I. № 686.

²⁰ СВР. I. № 171.

²¹ СВР. VII. № 5469.

²² СВР. I. № 711.

²³ СВР. I. № 713.

²⁴ СВР. I. № 591.

²⁵ СВР. IX. № 6469.

²⁶ СВР. IX. № 6470.

²⁷ СВР. I. № 609.

²⁸ СВР. I. № 597.

²⁹ СВР. I. № 615.

³⁰ СВР. I. № 616.

Джафар-хаджа б. Насрадин-хаджа ал-Хусайни ал-Каруки Хазарасби в 1823 г. написал «Сборник медицинских сведений»³¹ о различных заболеваниях человеческого организма и способах лечения; описываются лекарственные средства.

Джунайдаллах б. Шайх ал-Ислам, по псевдониму Хазик (уб. в 1843 г.), известный среднеазиатский поэт и врач (жил в Бухаре, Кожанде, Хорезме, Шахрисабзе), был автором персидского комментария³² к извлечению из «Канона» Ибн Сины, сделанному ал-Джапмини (ум. в 1344 г.).

В 1843 г. Мухаммад Шариф б. Мухаммад Нийаз Бухари написал комментарии к медицинскому труду Мухаммада Акбара (XVII в.) «Весы медицины» («Мизан ат-тибб»³³; при этом он не только разъясняет, но и дополняет некоторые разделы «Весов медицины», в частности касающиеся этиологии, семиотики и терапии.

Бухарский поэт и писатель Ибн Мухаммад Ашур Рахматаллах ал-Бухари (ум. в 1893 г.), известный под псевдонимом Вазик, на основании ряда медицинских сочинений составил труд под названием «Рудник наслаждения и стол даров» («Кан-и лаззат ва хан-и нимат»)³⁴, где перечисляются полезные с медицинской точки зрения виды пищи, а также даются рецепты их изготовления.

Таким образом, несмотря на несколько замедленные в XVI — первой половине XIX в. темпы развития науки в Средней Азии, уровень ее в целом продолжал оставаться относительно высоким. И нам представляется, что упомянутые выше имена ученых, работавших в области естественных наук, следовало бы включить в готовящуюся к изданию 8-томную «Историю Узбекской ССР», разумеется, продолжив глубокие исследования этого вопроса.

А. Б. Вильданова:

³¹ СВР. VII. № 5467.

³² СВР. IX. № 6505.

³³ СВР. I. № 601.

³⁴ СВР. V. № 3949.

ИЗ ИСТОРИИ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ IX—XII ВЕКОВ

(О ткани «дибадж»)

Термин «диба» или «дибадж» (ديبا، ديباج) встречается как название дорогой

шелковой ткани во многих источниках. В словаре Р. Дози это название носит ткань, у которой основа и уток из шелка¹. Мухаммад Му'ин дает ей следующее определение: диба имеет значение «красивый», обозначает также разноцветную шелковую ткань или вид дорогой цветной шелковой материи, парча².

Слово «диба» (араб. «дибадж») обозначает крученую шелковую нить высшего сорта, отсюда и происходит название драгоценной узорной шелковой ткани высокого качества³. В древности слово «дибаче» обозначало верхнюю одежду царей из узорочной шелковой ткани. Как видно из настенной росписи древних городищ: Афрасиаба, Пенджикента, Варахши, Балалыктепа и др., — шелковые узорчатые ткани широко использовались в среде знати и купечества. Из узорочной шелковой ткани шили одежду для царей и вельмож. Узоры на тканях, возможно, были вышиты. Так, у некоторых фигур из пенджикентской росписи, носящих корону, узоры на одеждах напоминают сюзаны. Ткань одежды царских особ в древний период украшали золотым шитьем и драгоценными камнями⁴.

В некоторых источниках слово «дабаджа» (ديج) приводится в значении: «украшать одежду шелковыми нитями различных цветов»; отсюда «диба» — это род дорогой цветной шелковой ткани, парчи⁵. «Диба», «дибадж», как сообщает А. Виберштейн-Казимирский, обозначает шелковую ткань в рисунках, с цветными узорами,

¹ Dozy R. Dictionnaire detaille des noms des vetements chez les arabes/Par R. P. A. Dozy. Amsterdam: Jean Muller, 1845. P. 113. Прим. 9.

² Mohammad Hojseyn ebn-e Khalaf de Tabriz. Borhan-e Qate (Dictionnaire de la langue persane)/Edition entiere revue, annotee et illustree avec des additions par Moh. Mo'in professeur a l'Universite de Teheran. Vol. II. A—Th. Teheran: Ebn-e-Sina editeur, 1963. P. 908.

³ Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь/Под ред. Ф. Е. Корша. М., 1976. С. 357.

⁴ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. XXXVIII. Объект VI, помещение 1. Северная стена. Деталь; Табл. XXXIX. Объект VI, помещение 1. Западная стена. Деталь.

⁵ Dozy R. Supplement aux dictionnaires arabes par R. Dozy. T. I. Troisieme edition. Leyde: E. J. Brill; Paris: Q. P. Maisonneuve et Larose, 1967. P. 421.

разводами (в частности, парча)⁶. По Э. В. Лейну, «дибадж», «дайабадж» обозначает шелковую парчу или одежду, выделанную из ткани, у которой основа и уток из шелка. В основном это разноцветная, пестрая, украшенная или вышитая различными цветными нитями материя. Само слово «диба-йи» (ديباي) или «диба» (ديبا), пишет он, происходит от персидского «див баф» (ديوبافي), т. е. сотканный из «диве» (ديوه — deevs) — так назывался по-персидски шелковичный кокон⁷.

По Беккеру, «дибадж» — арабизированное персидское слово — название, данное разноцветной шелковой атласистой ткани; в арабский оно, вероятно, проникло из арамейского языка. Диба (дибадж), как выясняется из смысла одного бейта Хасана б. Сабита, была известна арабам со времен Мухаммада. В средние века термин «диба» был известен как «див-баф», «насаджаг ал-чин», т. е. ткань китайской выделки (по «Тадж ал-арусук»). Но «диба» обозначает и этимологию какого-то народа.

Несмотря на запрещение мужчинам носить одежду из шелка, в средние века на Востоке диба широко использовалась для изготовления верхней одежды мужчин, которую они носили в торжественных случаях. Во дворце Фатимидов в Каире действовала собственная мастерская по выделке дибаджа. Как рассказывают, в ней производили разные ткани (по всей вероятности, исключительно вышитые) для верхней одежды. Как название, так и сама ткань, возможно, ведут свое начало из сасанидского Ирана. Уже с давних пор ткань приобрела товарное значение — «мата-и туджара». Абу-л-Фазл Джа'фар б. Али ад-Димашки говорят, что имеются различные сорта дибаджа, одни из них предназначены для одежды, другие — для завес, занавесей, третьи — для покрытия полов (для подстилок), как, например, ковры и молитвенные коврики⁸.

Видимо, эту ткань на Востоке вырабатывали с древнейших времен. Ибн ал-Факих, говоря о Наубехарском буддийском храме, сообщает, что «его идолы были украшены парчой, шелком, драгоценными камнями». Совершая к нему паломничество, персы «приносили ему дары, покрывали его редкими тканями и водружали на вершине его главного здания знамена из шелковой ткани»⁹.

Макдис сообщает, что ткань диба вырабатывали и в Самарканде, откуда ее вывозили к туркам. В городе выделывали также много шелка и шелковых тканей, называемых «самаркандийа». В Хорезме дорогую парчу производили для подпошений¹⁰. В Нисе, Абиверде производили шелк-сырец и вырабатывали из него ткани, а в Герате выделывали менее качественную парчу. Много шелка-сырца и тканей из него производили в Мерве и его окрестностях¹¹.

Ат-Танухи приводит сведения о парчовых покрывалах, женских платьях из цветной парчи, одежде из мервской шелковой ткани¹². Во время встречи посла Византии Самсам ад-Даулай «бундская резиденция была устлана адудийскими покрывалами, употреблявшимися в залах для приемов, были повешены парчовые занавеси на всех дверях зданий, залов, галлерей и коридоров»¹³. Как сообщает Беккер, «у высшего сорта дибаджа была лучшая окраска, украшение гармоничнее, нить шелка изящнее и тоньше, в ткани плотная, цвет блестящий, ярче, в весе тяжелая и не имеет никакого нюанса, в полировании гладкая. Куски дибаджа, предназначенные для одежды, бывают в длину 120, а для занавесей и подстилок 200 пядей. В одном куске дибаджа, необходимом только для одной одежды, не допускалось излишка или нехватки, так как нехватка затрудняла бы использование, а излишек нужно было бы отрезать от куска ткани»¹⁴.

⁶ Biberstein-Kazimirski A. Dictionnaire arabe-français contenant toutes le racine de la langue arabe, leurs derives, tant dans l'idiome vulgaire, que dans l'idiome litteral, ainsi que les dialectes d'Alger et de Maroc. T. I. Paris: Maisonneuve et L'e, 1860. P. 663.

⁷ Lane E. W. An Arabic-english lexicon in eight parts. Beirut: Librairie du Liban, 1968. P. 843.

⁸ Becker C. H. Islam Ansiklopedisi: Islam alemi tarih, çografya, etnografya ve biyografya lugati. 3 cilt, Istanbul: Milli Egitim Basimevi, 1945. S. 579—580.

⁹ Ибн ал-Факих//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII—XV ввс: Арабские и персидские источники/Под ред. С. Л. Волгина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.: Л., 1939. С. 151.

¹⁰ Al-Moqaddasi. Descriptio imperii meslemici auctore Shams ad-Din Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Abi Bekr al-Banna al-Basshari al-Moqaddasi/Ed. M. J. de Goeje. Editio tertia//BGA. III. Lugduni Batavorum: Apud E. J. Brill, 1967. P. 325.

¹¹ Там же. С. 323.

¹² Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников/Пер. с араб., предисл. и прим. И. М. Фильштинского. М., 1985. С. 69, 210, 213 и др.

¹³ Хилал ас-Сабн. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа)/Пер. с араб., предисл. и прим. И. Б. Михайловой. М., 1983. С. 27, 60, 66, 69, 70, 87.

¹⁴ Becker C. H. Op. cit. S. 580.

Слово «диба» приобрело и другие значения. Например: «диба руйи» — «красивый: внешностью, лицом». «Диба» применялось и в значении «предисловие книги», особенно предисловие, «написанное изысканно, утонченно, в элегантном стиле, украшенное риторическими фигурами, стихами или строками из Корана»¹⁵. Заглавные листы книги писались изящно и красиво, золотом и киноварью.

Искусные ткачи, проявляя свой талант, выработывали дорогие ткани для нужд высшей аристократии. Их труд, несомненно, был тяжелым, но, к сожалению, о положении их в источниках нет данных, за исключением мелких косвенных деталей. Этот вопрос заслуживает специального исследования.

Ткань «дибадж» была, как уже отмечалось, различного цвета. В источниках часто приводится пяти- или семицветная диба. Последнюю называли также «парчийан» и «атлийун». Видимо, весьма популярной была диба зеленого цвета; из нее, например, носили одежду газневидский эмир Мухаммад и его военачальники¹⁶. Зеленая диба часто упоминается и в стихах поэтов. Ибн Хаукал сравнивает деревья, окружавшие дворцы и замки в Самарканде, с зеленой дибой¹⁷.

Хилал ас-Саби приводит сведения о парче, тканной золотом, шелковой ткани, шитой золотом, пестром шелке, парчовом изаре, кошель из цветной парчи, роскошном платье из парчи стоимостью 200 динаров¹⁸. В богатых домах широко применялись парчовые занавески и покрывала. Во дворцах знати стулья, кресла также бывали обитыми парчовой тканью. Халиф ат-Та'и преподнес в дар Адуду ад-Дауле два кресла, одно из которых было обито голубой, другое — парчой с золотыми узорами¹⁹.

По сообщению источников, парча широко использовалась и тюркской знатью. У огузских беков, например, дорогим атласом были обшиты шатры; в них были постланы шелковые ковры; имелись шатры, покрытые вышитым золотом атласом²⁰. Огузские беки носили одежду из шелковых тканей желтого, красного и других цветов, расшитую золотом и украшенную дорогими камнями. Кафтаны беков были вышиты шелком²¹.

Как сообщает Ибн Фадлан, одежду из парчи носил гузский военачальник Этрэк ибн Катаган. По его данным, посольство, отправленное халифом Муктадиром из Багдада в Булгарское царство, проезжая через гузскую степь, преподнесло дары от халифа военачальнику гузов Этрэку, среди которых имелись мервские ткани, парча, пять кусков шелковых тканей и др.²²

Ткань диба была распространена и среди арабской кочевой знати. В стане богатых арабских скотоводов «виднелись шатры и палатки, значки и знамена; большинство шатров было сделано из парчи, которая сверкала на солнце и переливалась разными цветами, и все становилось подобно волнуемому морю...»²³ Арабская знать носила чалмы из красной шелковой ткани, тканной золотом. Для знатных женщин на спине верблюда ставили паланки, покрытый парчой и разукрашенный лентами из желтого и красного шелка. Было модно также пропитывать парчовую одежду богатыми невест ароматизированными веществами. Воины царя были одеты в парчу, усеянную драгоценными камнями²⁴.

Как говорится в «Снасет-намэ», из дибы шили одежду, куски этой дорогой ткани преподносили в дар; из этой ткани изготовляли кошель²⁵. Несколько названий дорогих шелковых тканей приведено в «Маджма ан-навадир — Чахар макале» Низами Арузи Самарканди. «Желая, как это было в обычае, надеть к свадьбе лучшие одежды, — сообщает он, — абасидский халиф Ма'мун осматривает свои гардеробы [джамехнаха]... И среди тысяч каба разных атласов [атлас], называемых маадани, малки и тамим, и парчовых [насийдж], златотканых [мумаззадж], и макразийской [макрази] ткани, и тонкого шелка [ақсун] ни одного не одобрил. Он облачился по своему обык-

¹⁵ Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь: В двух томах/Под. ред. Ю. А. Рубинчика. Т. I. М., 1970. С. 689; Биберштейн-Казимирский А. Указ. соч. Т. I. С. 663.

¹⁶ Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030—1041)/Пер. с перс., введ., коммент. и прилож. А. К. Арендса: Изд. 2-е, доп. М., 1969. С. 127, 141, 210 и др.

¹⁷ Ibn Haukal. Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi. Liber imaginis terrae//Edidit collato textu primae editionis alisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. Editio tertia. BGA. II. Lugduni Batavorum: Apud E. J. Brill, 1967. P. 473.

¹⁸ Хилал ас-Саби. Указ. соч. С. 66, 68—70.

¹⁹ Там же. С. 60, 70.

²⁰ Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос (Огуз-намэ)/Пер. акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.; Л., 1962. С. 14, 22, 32, 45, 48, 49, 73, 76.

²¹ Там же. С. 16, 48, 50, 65, 76.

²² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 129.

²³ Жизнь и подвиги Антара (Сират Антара)/Пер. с араб., предисл. и прим. И. М. Фильштинского. М., 1968. С. 47.

²⁴ Там же. С. 90, 102, 104, 119, 171.

²⁵ Низам аль-Мульк. Снасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулька/Пер., введение в изучение памятника, примечания проф. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1949. С. 57, 87, 170, 184, 203.

новению в черное платье, которое предпочитал всякому, говоря, что это одежда мужей и одежда живых, ибо ни одну женщину не выдают замуж в черном и ни одного покойника не погребают в черном»²⁶.

Вероятно, дорогая парча, сотканная в смеси с драгоценными нитями, взвешивалась. «[Однажды] какой-то человек принес Амру [Саффариду.— М. У.] кусок парчи весом в двадцать манов, стоимостью две тысячи динаров, которому Амр дал 20 тысяч динаров»²⁷.

Ткань дйба широко использовалась и у Саманидов. Как-то Наср II устроил пиршество, на котором его окружали знать и джхане, одетые в драгоценные одежды из золототканых материй. Поскольку эмир Бу Джаффар (Саффарид.— М. У.) на этом пире отсутствовал, Наср II отправил ему целый караван даров, среди которых имелись дорогие ткани и ковры²⁸. Об этом торжестве и дарах придворный поэт Рудакки писал:

«Оделано дело, какого никому не сделать!
Златотканые одежды и красивые ковры,
Дорога [из] рейханов и тахты в изобилии/?/,
Барбат Исы и арфы Фу'ада.
Чанг Мыадаккира/?/ и флейта Чабукджанана.
В одном ряду сидят эмиры и Бал'ами,
В другом — благородные и дехканн Пир Салих.
Царь на троне, на почетном месте,
Царь царей мира [и] эмир Хорасана»²⁹.

Абу-л-Фазл Байхаки в «Истории Мас'уда» приводит десятки названий тканей, как, например, румская шелковая ткань, румская узорочная ткань, румская узорочная ткань с золотом; золототканная парча, разные виды тканых золотом материй; шелковые ткани красные, желтые, зеленые; дидари; алый шелк с золотом, где «ткани почти не видно было» (вероятно, ткань была вышита золотом и украшена драгоценными камнями); шелковый мулхам и мулхам парчовый (мулхам-и дйбадж), турецкая узорочная шелковая ткань (дйбадж-и турки); бу-каламун с золотом, саклатун, поло-сатая шелковая ткань (аттаби) и т. д.³⁰

Байхаки приводит также ткани, носившие наименование по месту их выработки, как-то: шуштарские, исфганские, багдадские, ишшапурские, буударские и т. п.

Дорогими тканями и одеждой из них, хранившимися в сокровищницах, одаривали знать за службу, оказание разных услуг эмиру или правителю. Золототканые материи поступали в сокровищницу эмира или султана двумя путями. Во-первых, — путем обложения налогом зажиточных феодалов и мелких правителей, на которых, в свою очередь, работали ремесленники-ткачи. Во-вторых, эмиры и султаны имели свои мастерские, вырабатывавшие драгоценные ткани для властителя и его двора.

Дорогие ткани всегда перечисляются среди даров, предназначенных высокопоставленным лицам. Как утверждает Байхаки, среди даров, приготовленных сахиб-диваном Хорасана Сури для эмира Мас'уда, кроме драгоценностей и других предметов, «было столь много тканей», что эмир и присутствующие остались в изумлении. Имелись там и золотые монеты в шелковых мешочках, красных и зеленых, а серебряные — в желтых дидари³¹.

Китайскому императору в 632 г. посольство Тохаристана преподнесло «роскошный подарок... золотое одеяние»³². Эта одежда, возможно, была соткана в смеси с золотой фольгой, а также вышита золотыми нитями. Наршахи констатирует, что «в одном из набегов арабы отняли башмак с одной ноги вместе с чулком у бухарской царицы. Башмак и чулок были сделаны из золота и украшены драгоценными камнями»³³.

Как видим, драгоценные ткани вырабатывались в Бухаре и Тохаристане еще до

²⁶ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы/Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. Под ред. А. Н. Болдырева. М., 1963. С. 47—48; Баевский С. И. и Ворожейкина З. Н. «Собрание редкостей» Низами Арузи Самарканди как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана X—XII вв./Палестинский сборник. Вып. 21 (84): Ближний Восток и Иран. Л., 1970. С. 41.

²⁷ Та'рих-и Систан («История Систана»)/Пер., введ. и коммент. Л. П. Смирновой. М., 1974. С. 258.

²⁸ Та'рих-и Систан. С. 303.

²⁹ Там же. С. 305.

³⁰ Байхаки. Указ. соч. С. 93, 127, 141, 229, 265, 287, 302, 340, 373, 382, 384, 388, 389, 449, 452, 464, 510, 516, 661, 676, 784.

³¹ Там же. С. 516; Ackerman Ph. Textiles of the islamic period: History// A Survey of persian art... SRA. Vol. III. Oxford University Press, London and New York, 1939. P. 1996.

³² Шефер Э. Золотые персики Самарканда (Книга о чужеземных диковинах в империи Тан). М., 1981. С. 264.

³³ Мухаммад Наршахи. История Бухары/Пер. с перс. яз. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 50.

арабского завоевания Средней Азии. Не исключено, что подобные ткани производились и в Самарканде, Пенджикенте, Мерве, Хорезме и других городах, которые перед арабским завоеванием были столичными центрами Мавераннахра. В Бухаре изготавливались различные виды шелковых тканей: табари, йезди, шелковые покрывала, занавеси, вышитые наволочки, подстилки для молитвы (джай-намаз), ткани, которыми покрывали полы во дворце халифа³⁴. По сведениям Наршахи, в бухарской мастерской вырабатывали различные дорожные ткани. Некоторые из них были сложнорисованными и назывались «алоча»³⁵.

Само слово «алоча» в то время обозначало разноцветную пеструю ткань. По определению некоторых исследователей, алоча — это шелковая ткань с золотыми и серебряными полосами бухарской выделки³⁶. В основном из разноцветной парчи носили платье женщины. В источниках встречаются разные сорта дибаджа. Например, истабрак — плотно сотканная шелковая парча, которую вырабатывали в смеси с золотыми нитями; она была покрыта также тканым узором³⁷. В источниках встречается и сандус — тонкая шелковая ткань с узорами, вышитыми золотыми нитями³⁸.

Как свидетельствуют археологические находки, шелковые ткани из Средней Азии в большом количестве вывозились даже в Западную Европу. Дальнейшее изучение этого вопроса несомненно прольет дополнительный свет на историю текстильного производства в Средней Азии в период средних веков.

М. Усанова

³⁴ Макдисн. ВГА. III. С. 324; Наршахи. Указ. соч. С. 29—30.

³⁵ Наршахий Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966. С. 26, 96 (прим. 3).

³⁶ Афанасий Никитин. Хождение за три моря Афанасия Никитина/Издание подготовил Я. С. Луры и Л. С. Семенов. Л., 1986. С. 163. Прим. 139.

³⁷ Лейн Э. В. Указ. соч. Ч. I. С. 192.

³⁸ Там же. Ч. IV. С. 1444.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ УСТРУШАНЫ

Уструшана — историко-культурная область левобережья Сырдарьи, входившая в древности в состав Согды и выделывшаяся затем в самостоятельное владение. Территория ее на севере граничила с Чачем, на востоке — с Ферганой, на юге доходила до Каратегина и Шумана, на западе соединялась с Согдом.

Область эта представляет большой научный интерес как своеобразием материальной культуры горных и равнинных районов в зоне контакта оседлых оазисов древнего Согда и сакских кочевых племен, так и социально-политической историей, связанной и с ранними этапами борьбы народов Средней Азии с греко-македонцами, и с маршрутами ранних караванных путей, и с последующими событиями в развитии экономических и политических взаимоотношений средневековых владений Мавераннахра.

Локализация известных в письменных источниках пунктов данного региона началась еще в прошлом столетии¹, но наиболее полное монографическое исследование владения принадлежит Н. Н. Негматову, проанализировавшему и нарративные, и археологические материалы². Однако систематические исследования памятников культуры Уструшаны в то время были связаны лишь с территорией Северного Таджикистана, где выявлено три древних пункта: городища Мугтепа, Ширин и Нуртепа³. Последовательное изучение древнеуструшанских поселений на территории Узбекистана начато лишь с 1985—1986 гг. сплошным обследованием Хавастского района Сырдарьинской области. В ходе этих работ и были выявлены новые древнеуструшанские поселения.

Они располагаются на правом берегу Ходжамушкентская, приблизительно в полуклометре друг от друга, севернее селения Савад⁴. Самое крупное и наиболее изученное из них — Хантепа⁵. Два других памятника — Саганактепа и Саганактепа I — подвергались лишь предварительному обследованию.

¹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. 2. Ч. I. М., 1963. С. 173.

² Негматов Н. Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен до X в. н. э.//МИА. № 37. М.; Л., 1953. С. 232—236.

³ Негматов Н. Н., Беляева Т. В. Проблемы начального этапа урбанизации Уструшаны (по материалам Нуртепа)//Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986. С. 182—187.

⁴ Буряков Ю. Ф., Грицина А. А., Пардаев М. Х., Тихонин М. Р. Работы Чач-Уструшанской экспедиции//АО—1986. М., 1988. С. 494—495.

⁵ Грицина А. А. Археологические исследования в Северной Уструшане//Я. Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане: Тезисы. Ташкент, 1988. С. 34.

Хантепа представляет собой овальный в плане холм (размером 80×70 м, высотой 4 м) с довольно плоской верхней площадкой, ограниченной по периметру невысоким валом. Северный и восточный склоны сильно изрезаны бульдозером. На поселении заложено три раскопа. Наиболее древний материал получен на Р-2 (6,5×2,5 м) в восточной части тепа. Материк здесь зафиксирован в начале VII яруса. Верхний слой представлял собой надувные лёссовые отложения, практически лишённые находок. Обнаруженный в нем очаг (60×25 см), судя по тонкому слою пепла и прожёлты, использовался недолго и оставлен здесь уже после запустения поселения. Ниже шли зольно-органические накопления с включением керамики, костей животных, камней и обломков сырцовых кирпичей. В середине VI яруса был зачищен пол помещения с остатками истлевшей саманной подстилки. Стены помещения выложены из сырцовых кирпичей (47×38×9—11 см, 44×33×9—11 см). В конце VI — начале VII яруса зафиксирован нижний сильно обгорелый уровень пола, связанный со временем возведения помещения.

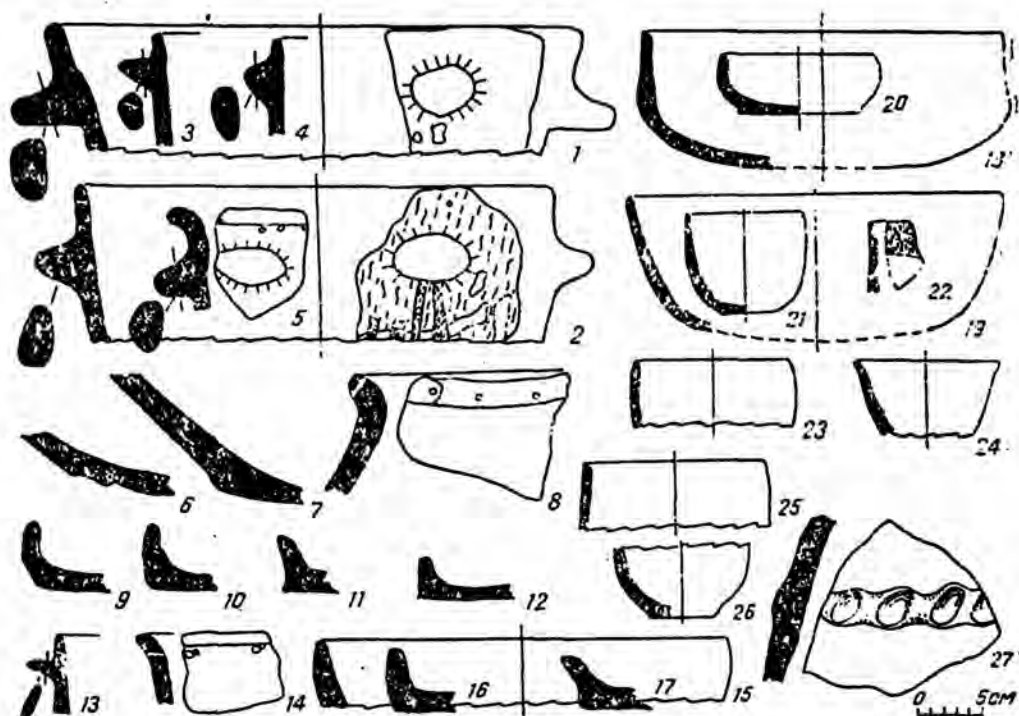

Рис. 1. Керамика поселения Хантепа. Раскоп 2.

1—12, 18—24 — керамика верхнего слоя; 13—17, 25—27 — керамика нижнего слоя.

Таким образом, если не считать лёссового слоя со случайными находками и кратковременным обживанием уже после запустения поселения, четко фиксируются два слоя: нижний (VII—VI ярусы) и верхний (V—III ярусы).

Почти вся керамика (50 черепков) нижнего слоя — груболепная, сформована ленточным способом или с помощью матерчатого шаблона и представлена котлами с рядом сквозных отверстий и двумя ручками-выступами под венчиком (рис. 1, 13—14); хумами, украшенными наклепными лентами с пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 27); красноглиняными лощеными мисками с отпечатками матерчатого шаблона, тагора с толстостенным, расширяющимся кверху бортиком, кубками с наклонным внутрь бортиком и слегка выделенным поддоном (рис. 1, 25—26). Станковая керамика представлена тремя черепками от кувшинов.

В верхнем слое резко возрастает количество станковой керамики, но доля лепной преобладает (68% против 32%). Кроме вышеописанных форм, появляются тагора с оттянутым бортиком и крупной ручкой под венчиком (рис. 1, 1), чашечки, кубки (бокалы) (рис. 1, 21—24) и массивные, с рядом сквозных отверстий и шишковидными ручками под венчиком, сосуды для хранения припасов (корчаги) (рис. 1, 2, 8).

Описанная керамика находит аналогии с груболепной посудой городища Нуртепа⁶ и эйлатанской культуры⁷. Она сопоставима и с материалами более ранних куль-

⁶ Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нуртепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана, Душанбе, 1982. С. 93. Рис. 3—6.

⁷ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. М., 1962. Табл. LXIII.

тур: кайраккумской⁸, бургулюкской, демонстрируя преемственность и консервативность отдельных форм (котлы, миски, жаровни), которые продолжали бытовать и в более позднее время. В первую очередь, это касается котлов с ручками-упорами. В бургулюкской⁹ (Эйлатан, Шурабашат) культурах они доживают до IV—III вв. до н. э. На Афрасиабе они отмечены в слоях IV в. до н. э.¹¹ и в комплексе посуды Афрасиаб II¹², а на Мугтепа — с материалами IV—II вв. до н. э.¹³ Продолжают они существовать и в античных слоях Нуртепа и Хантепа. Только один фрагмент лепного кубка (рис. 1, 22) можно отнести к разряду крашеной керамики, характерной для эйлатанской и шурабашатской культур¹⁴. В нашей коллекции, как и в материалах из Нуртепа, имеются целые экземпляры чашечек и стакановидных кубков (рис. 1, 20, 21), датированных VI—IV вв. до н. э.¹⁵

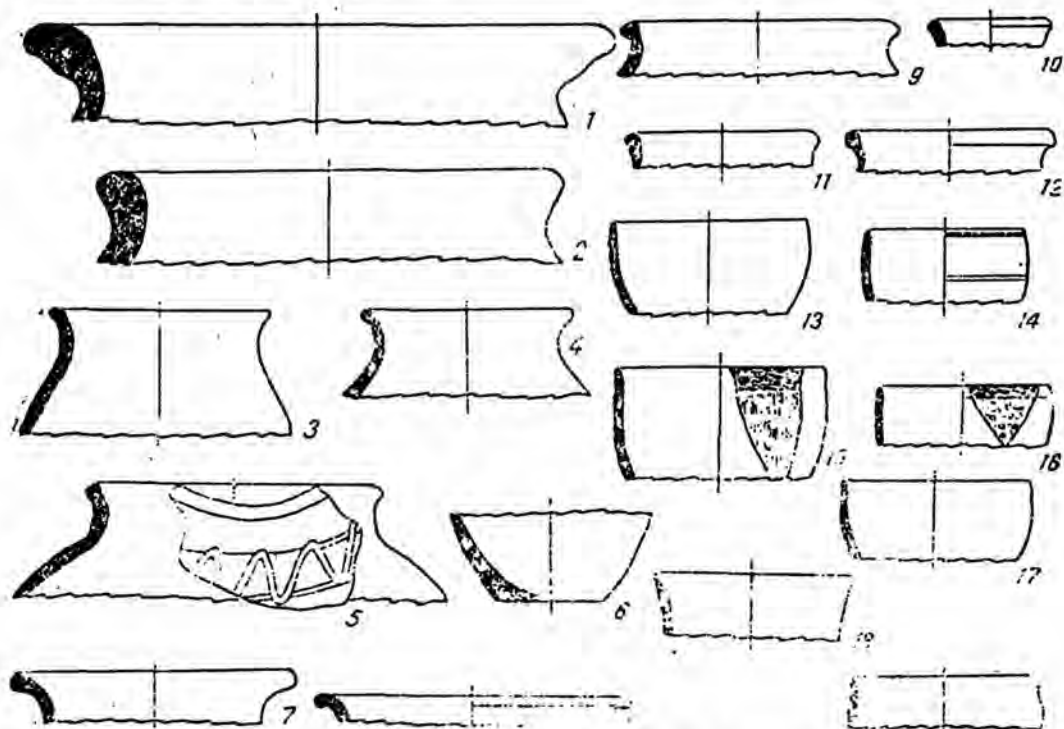

Рис. 2. Станковая керамика поселения Хантепа.

Станковая керамика формировалась на круте быстрого вращения. Глина плотная, качественного обжига, с примесью мелкого песка. Хумы яйцевидной формы, с короткой шейкой и несложной профилировкой венчика. Днище округлое. Сосуды также украшались налепными лентами с пальцевыми вдавлениями. Кувшины и горшки плоскодонные. Поверхность серого, коричневого, розового и светлого цветов. Отметим фрагмент горшка с Т-образным венчиком и фрагмент крупного кувшина с прощарапанным орнаментом (рис. 2, 2, 5). Кубки (бокалы) нередко залащивались как снаружи, так и изнутри, причем лощение применялось и вертикальное, и горизонтальное. Один сосуд украшен сразу двумя видами лощения: нижняя (коническая) часть

⁸ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайраккумов // Душанбе, 1962. С. 389. Табл. 98, 99, 106.

⁹ Дуке Х. Туябулузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982. С. 45—48.

¹⁰ Филанович М. И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 38—62.

¹¹ Кабанов С. К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981. С. 43. Рис. 19.

¹² Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 47—48. Рис. 8.

¹³ Ранов В. А., Салтовская Е. Д. О работах Уратюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып. 8. Душанбе, 1961. С. 43. Рис. 11, 1.

¹⁴ Заднепровский Ю. А. Указ. соч. С. 110. Табл. XLVIII, 5, 6, 10.

¹⁵ Негматов Н. Н., Беляева Т. В. Проблемы... С. 184. Рис. 2; Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 61. Рис. 158.

украшена вертикальным полосчатым, а верхняя (цилиндрическая) — горизонтальным лощением (рис. 2, 15). Аналогичный кубок происходит из первого горизонта раскопа XII Нуртепа¹⁶. На Нуртепа находят аналогии и другие типы кубков¹⁷. В целом станковая керамика сопоставима с материалами, относящимися по времени к периоду Афрасиаб II¹⁸, и, следовательно, весь комплекс можно датировать этим временем. Что касается датировки нижнего слоя, то его по времени не следует слишком отдалять от верхнего слоя. Прямоугольный кирпич помещения по своим размерам близок к кирпичам из поселения в Ленинабаде¹⁹ и Нуртепа²⁰, которые датируются V—IV вв. до н. э. Наши материалы сопоставимы также с материалами поселения Шаштепа, где нижний слой с лепной керамикой относится к VI—IV вв. до н. э., а переходный комплекс, в котором появляется станковая керамика, в том числе лощеные кубки, — III—II вв. до н. э.²¹ Возможно, что появление станковой керамики в переходном комплексе Шаштепа связано с влиянием культуры типа Нуртепа и Хантепа.

На двух других раскопах были вскрыты полуземлянки, углубленные в материковом лессе. На P-3 они подправлялись сырцовым кирпичом. Полученные комплексы посуды аналогичны посуде из верхнего слоя P-2. Отметим целый лепной кубок из P-3, подобный сосуду из Аштского могильника²². Таким образом, жилища полуземляночного типа на Хантепа появляются позднее капитальных построек из сырца. Возможно, это связано с тем, что жители по какой-то причине покидали поселение, а по возвращении не только обживали покинутые жилища, но и селились в полуземлянках, строить которые было гораздо проще. Отметим, что землянки и полуземлянки известны даже в греческих городах Северного Причерноморья, где они особенно часто встречаются в начальный период греческой колонизации²³.

Анализ костей животных из раскопов, проведенный А. Р. Батыровым, выявил следующие виды: лошадь, осел, свинья, верблюд, мелкий и крупный рогатый скот, собака, кабан, лисица, джейран, черепаха, корсак, прызуны. В процентном отношении преобладает мелкий (50,2%) и крупный (15%) рогатый скот, что говорит о развитом скотоводстве. Находки зернотерок свидетельствуют также о земледельческом характере хозяйства.

Среди пруболепной керамики много сосудов с отпечатками тканей. Изучение подобных отпечатков на сосудах из Нуртепа показало, что жители его хорошо владели ткацким станком и вырабатывали как грубые, так и тонкие ткани²⁴. О том, что ткачество было развито, говорят также находки пряслиц на обоих памятниках.

Поселение Саганактепа расположено в 0,4 км к югу от Хантепа и состоит из двух холмов, являющихся, видимо, остатками более крупного памятника. Раскопками на одном из них вскрыто помещение из сырца квадратного формата (32—34×32—34×9—10 см). Керамический комплекс сопоставим с комплексом верхнего слоя Хантепа. Новыми для нас формами являются чаши станковой работы, кувшины со смятым устьем, известные по материалам комплекса Афрасиаб II²⁵, и кувшины, слив которых соединен с устьем сосуда. Аналогичные кувшины из Нуртепа относятся к VI—IV вв. до н. э.²⁶ В целом полученные материалы можно датировать временем Афрасиаб II.

Следующий памятник, Саганактепа I находится в 0,45 км к югу от предыдущего и представляет собой вытянутый холм, высотой около 1 м. На поселении вскрыто помещение полуземляночного типа. Полученный комплекс керамики, в котором значительно преобладает груболепная, также сопоставим с керамикой верхнего слоя Хантепа и может быть датирован временем Афрасиаб II.

Открытие этих памятников позволяет по-новому подойти к решению некоторых вопросов античной истории Северной Уструшаны, связанных, в частности, с борьбой народов Средней Азии с Александром Македонским. Источники отмечают, что во время пребывания его на Танаисе и основания Александрии Эсхаты на Якарте поднялось восстание согдийцев, начавших уничтожать греческие гарнизоны²⁷. Топография

¹⁶ Там же. С. 63. Рис. 167.

¹⁷ Там же. С. 62. Рис. 159, 161.

¹⁸ Шишкина Г. В. Указ. статья. С. 36. Рис. 3, 10, 14; Рис. 5, 8; Кабанов С. К. Указ. статья. С. 48. Рис. 21, 9—14.

¹⁹ Беляева Т. В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 43.

²⁰ Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К. Указ. статья. С. 107.

²¹ Филанович М. И. Указ. соч. С. 47.

²² Древности Таджикистана. С. 64. Рис. 171.

²³ Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975. С. 196.

²⁴ Фаязова М. М. Отпечатки тканей на керамике из Нуртепа // Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана: Тезисы. Душанбе, 1984. С. 132—133.

²⁵ Шишкина Г. В. Указ. статья. С. 37. Рис. 4.

²⁶ Древности Таджикистана. С. 64. Рис. 171.

²⁷ Арриан. Анабасис Александра // История Узбекистана в источниках / Сост. Б. В. Лунин. Ташкент, 1984. С. 95.

боевых действий показывает, что движение началось на соседней территории Северной Уструшаны, где восстало семь городов. На подавление их были двинуты основные силы греко-македонцев. Самым крупным из городов назван Кирополь, где сосредоточилось больше всего восставших²⁸. Сюда и был направлен специальный отряд под руководством Кратера с приказом окружить город ровом и насыпным валом, поставить осадные машины и таким образом блокировать его, чтобы жители не смогли выступить на помощь остальным восставшим. Сам Александр двинулся из Александрии Эсхаты к ближайшему пункту — Газе, имевшей высокие стены. Город был взят штурмом, разграблен и сожжен для устрашения остальных восставших, а жители уничтожены. В тот же день был взят второй пункт, а через день — третий. Население двух других пунктов, увидев дым сожженных крепостей, решило спастись бегством, но большинство из них также было уничтожено завоевателями²⁹. Захватив и уничтожив пять пунктов, Александр двинулся под Кирополь и соединился с Кратером.

В отличие от описанных пунктов, Кирополь был крупным, хорошо укрепленным городом, взятие которого удалось, лишь проникнув к башням одного ворот изнутри, по высохшему руслу реки, питавшей укрепление. Но и после открытия ворот продолжалась жестокая битва, в ходе которой, по источникам, погибло 8 тыс. защитников. После этого был взят последний, седьмой пункт.

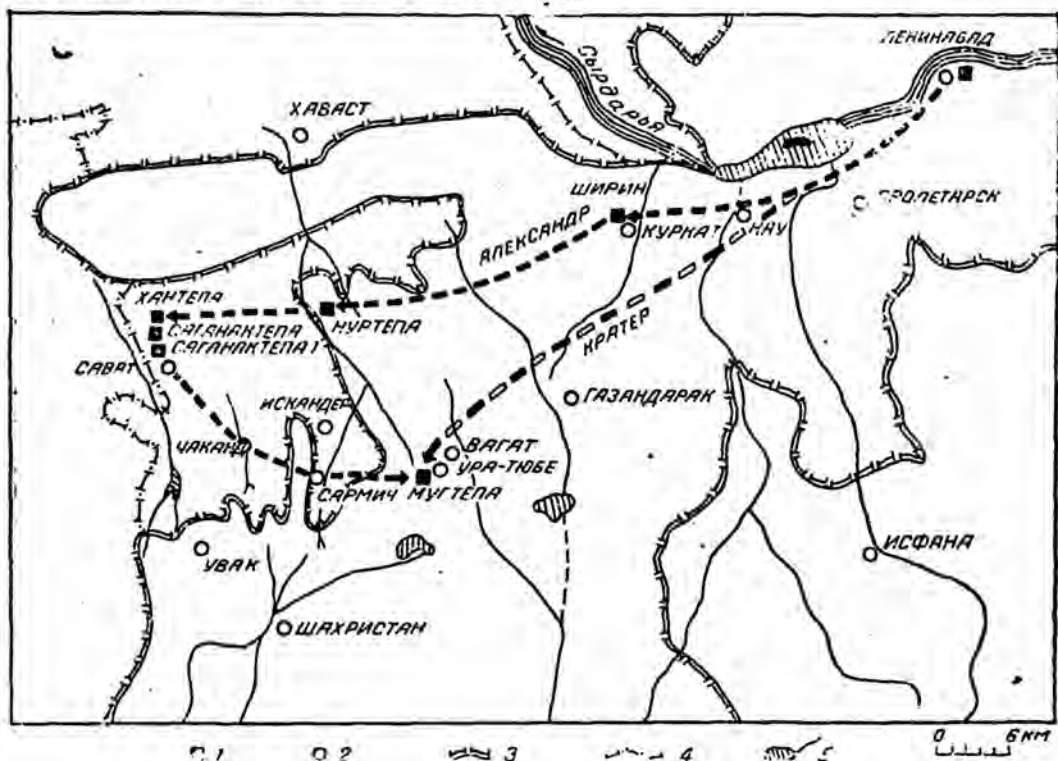

Рис. 3. Маршрут движения Александра Македонского и Кратера от Яксарта. Условные обозначения:

1 — древние города и селения, 2 — современные города и селения, 3 — республиканские границы, 4 — границы районов, 5 — водохранилища, реки.

При описании восстания лишь Арриан упоминает все семь пунктов. Остальные источники либо ограничиваются двумя названиями, либо описывают события с выделением лишь Кирополя, который отличался и мощью укреплений, и количеством защитников. Остальные пункты, судя по этому, были значительно меньше.

Топография их и маршрут движения Александра от Яксарта к Кирополю давно дискутируются в научной литературе. Итог дискуссии в свое время был подведен Н. Н. Негматовым, предположившим, что все семь пунктов располагались между Александрией Эсхатой, отождествленной с Ленинабадом, и Кирополем, помещаемым в Ура-Тюбе³⁰. Эта локализация кажется наиболее приемлемой. Однако некоторые другие пункты вызывают возражения, начиная с Газы, сопоставляемой с Газандарком³¹. Анализ топографии древних пунктов в свете новых находок позволяет предположить несколько иной вариант маршрута Александра и Кратера (рис. 3).

²⁸ Там же. С. 96.

²⁹ Там же.

³⁰ Негматов Н. Н. Указ. статья. С. 234—235.

³¹ Арриан. Указ. соч. С. 96.

Итак, по Арриану, Александр, получив известие о восстании согдийцев, «живущих по соседству с рекой..., двинулся к ближайшему (разрядка наша.— Ю. Б., А. Г.) от лагеря городу, который назывался Газа»³². Ближайшим древнеуструшанским памятником является городище Ширин близ Курката. С учетом этого обстоятельства на уровне современных данных логичнее всего видеть Газу в городище Ширин, хотя и не исключено, что между Ленинабадом и Куркатом будут найдены еще древнеуструшанские памятники.

Не доходя до Газы, где-то в районе г. Нау, войско разделилось: Кратер был послан непосредственно под Кирополь. Одну из причин этого маневра мы знаем: в задачу Кратера входило блокировать главный город восставших Кирополь, с тем, чтобы его жители не смогли оказать помощь другим городам. Другой причиной было то, что иные восставшие города располагались не по пути к Кирополю, а в стороне от него. Александр, вероятно, был уверен в легкой победе, так как, во-первых, имел сведения об этих городах, полученные при движении к Яксарту, а во-вторых, там стояли македонские гарнизоны³³. Следующий город, который Александр «взял таким же образом и в тот же день»³⁴, видимо, располагался на месте городища Нуртепа. Из контекста следует, что он, как и Газа, имел оборонительные стены, что подтверждается проведенными здесь раскопками³⁵.

Три оставшихся города, которые Александр взял не следующий день, находились недалеко друг от друга, что также следует из текста Арриана³⁶. Один из этих городов, а точнее — поселений, мы локализуем на месте Хантепа. Было бы заманчиво видеть в поселениях Саганактепа и Саганактепа I два других города. Однако до более широкого их изучения говорить об этом пока преждевременно.

Предложенная схема движения Александра не претендует на ее окончательное решение. Открытие и изучение новых раннеантичных памятников, несомненно, внесут в нее свои коррективы. Однако основная линия маршрута Александра от Яксарта представляется нам верной.

Ю. Ф. Буряков, А. А. Грицина

³² Там же. С. 95.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К. Указ. статья. С. 109.

³⁶ Арриан. Указ. соч. С. 96.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЯХ ТАШКЕНТА С РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Как известно, в конце XVIII — начале XIX в. отношения Ташкента и вообще Средней Азии с Россией характеризуются заметной активизацией, что было обусловлено отчасти усилением влияния царского правительства среди казахских орд (обеспечивавших относительную безопасность торговых путей через Казахскую степь), а также обоюдной заинтересованностью в расширении торгово-экономических и политических сношений. Следует подчеркнуть, что в этот период правительство Ташкентского владения (по нашим материалам, впервые в истории отношений Средней Азии с Россией) ставит вопрос о получении технической и военной помощи из России. В этом плане особое значение имело Ташкентское посольство в Петербург в 1797 г. в составе Мулладжана Махсума и Ашур Али Баходура, принятое Павлом I и государственным канцлером А. А. Безбородко. В грамоте ташкентского правителя Юнуса Ходжи, адресованной русскому правительству, содержалась просьба отправить в Ташкент двух горных инженеров для оказания помощи в обследовании и разработке природных богатств в Ташкентском владении, а Мулладжан Махсум и Ашур Али в своем письме от имени Юнуса Ходжи просили оказать военную помощь в случае нападения на Ташкент со стороны Китая¹.

¹ По овидетельству архивных документов, отношения Средней Азии и Казахстана с Китаем заметно ухудшились после присоединения к последнему Джунгарского ханства (1759 г.) и Восточного Туркестана, вызвавшего у среднеазиатских ханств опасения нападения со стороны Китая. Так, в декабре 1780 г. генерал-майор Миллер в письме из Барнаула в коллегию иностранных дел сообщал, что, по распространенным здесь «слухам и известиям, приписывалось китайцам намерение покорить по открывшейся удобности чрез изъятие из среды Зенгорского (т. е. Джунгарского.— Э. Х.) народа и всю великую Татарию и распространиться своим владением до Каспийского моря и до пределов Оренбургских» (АВПР, ф. Кирилл-Кайсацкое дело, оп. 2, д. 9, л. 31—32). В апреле 1760 г. поручик И. Ураков и Я. Гуляев, посланные из

Как известно, царское правительство положительно откликнулось на просьбы Юнуса Ходжи и отправило в 1800 г. в Ташкент горных инженеров М. Поспелова и Т. Бурнашева. Нами обнаружено письмо Юнуса Ходжи русскому правительству, отправленное с возвращавшимися на родину русскими инженерами осенью 1800 г., в котором он сообщает, что после благополучного выполнения ими своих задач он отправляет их обратно и выражает благодарность за оказанную помощь².

Указанные посольства сыграли важную роль в укреплении и дальнейшем развитии торговых и политических связей между двумя странами в последующие годы. Однако вопрос о посольских связях Ташкентского владения с Россией в начале XIX в. остается в нашей историографии открытым. К тому же в отдельных работах категорично утверждается, что «Ташкентское посольство Мулладжан-Ахуна Магзума и Ашур-Али Баходура Минибаша (1797 г.— Э. Х.) было первым и последним среднеазиатским посольством в Петербурге»³.

В связи с этим большой интерес представляют обнаруженные нами новые архивные документы о посольстве Юнуса Ходжи в Петербург в начале XIX в., которые в значительной мере восполняют данный пробел. По свидетельству этих документов, 1 сентября 1802 г. в Петропавловскую крепость прибыли ташкентские послы во главе с Мулладжаном Махоумом, носившим теперь титул везиря — первого министра. В состав посольства входили Мулла Маъди деван, Саид Али аксакал, Салихджан деван беги, Иса Мухаммад ясавул, Казак Баходур и Казак чори агаси⁴.

В октябре того же года они прибыли в Омск. Здесь Мулладжан Махсум был принят начальником Сибирской линии генерал-майором Лавровым и, изъявив «свое желание утвердить навсегда торговлю между российским и ташкентским купечеством», просил отправить послов в Петербург, ибо «он имеет для поднесения Его Императорскому величеству от своего владельца письмо»⁵.

В ноябре 1802 г. ташкентцам было разрешено выехать в Петербург, куда они прибыли в сопровождении русских чиновников 13 марта 1803 г. Русское правительство отнеслось к ташкентским послам с большим интересом и вниманием. Они были приняты Александром I, государственным канцлером и министром иностранных дел А. Р. Воронцовым, а непосредственно с ними занимался министр коммерции Н. П. Румянцев. Мулладжан Махсум передал русскому правительству грамоту Юнуса Ходжи и по его «словесному перепоручению» письмо канцлеру и министру коммерции от своего имени.

В грамоте, подтверждая полномочия послов, Юнус Ходжа выразил желание о дальнейшем расширении торговли с Россией и просил такого же подтверждения со стороны русского правительства, а также указал количество бирюзы, посылаемой им в подарок⁶.

Ниже приводится перевод грамоты Юнуса Ходжи, сделанный русскими чиновниками: «Ежели Ваше императорское величество по человеколюбию спросите о сдешних обстоятельствах, то по милости божией находимся спокойно, живы и здоровы. Ныне в таком благополучном времени сердечно желаю, дабы высочайше приказано было впредь обоюдному купечеству свободно приезжать и отъезжать. Во уверение чего утверждаю сие обещание моею собственною печатью, я отправил с везирем посланником моим Муллою джан дамоллою, и с ним же отправил моих служителей из чиновников: Моллу Мепди дивана, Сеид-али Аксакала, Саледжан диван беги, Иса Мухаммед Есавула, Казак Багадура и Казак Чора-Агасия; а данные ему от меня словесные приказания я приказал по прибытии к высочайшему двору вашего величества, довести высокому Министерству, коим и давать полную веру. При сем я отправил для поднесения Вашему величеству в гостинец 60 бирюз, из коих 30 крупные, а другие 30 помельче. И хотя посылка неважна, но прошу нижайше милостиво принять.

Оренбурга в Среднюю Орду к Аблайхану, сообщили, что «Аблай нынешней весной намерен ехать в Туркестан, ибо де Кашкарские и Яркенские Айходжа и Кунходжа ишют к нему султану, что жители тех Кашкара и Яркенда стесняются от китайских войск и они их купцов не пропускают в Туркестан и Ташкент» (Омский облгосархив, ф. 1, оп. 1, д. 88, л. 667).

Ташкентские купцы, прибывшие в Петропавловскую крепость в декабре 1787 г., сообщили, что ухудшение отношений Кокандского ханства с Китаем «происходит от того, когда китайский двор ...оружием присоединил к своей державе Кашкарских городов, убил при войне двух владетелей Айходжи и Кунходжи, и полонил жену ...сын бежал тогда у Айходжи к куканциам, то ныне пришед он в силу и имея от куканцев почтение согласил их к возвращению означенных отнятых городов. К нему присоединили авганцев и прочих полуденных народов... и намереваются нападение делать по наступлению весны» (ООГА, ф. 1, оп. 1, д. 113, л. 481).

² АВПР, ф. Главный архив П-21, д. 2, л. 43.

³ Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 78.

⁴ Из-за болезни Казак чори агаси не смог выехать в Петербург и остался в Петропавловске.

⁵ АВПР, ф. Главный архив 1—8, д. 1, л. 85. 127.

⁶ Почему-то в оригинале грамоты о бирюзе написано на таджикском языке, хотя письмо полностью написано на узбекском языке.

У сего в приложенной чернильной печати значит имя:

Ходжа Мутаммед Юнус⁷

Главная цель посольства была изложена в письме Мулладжана Махсума, в котором отмечается, что Юнус Ходжа «словесно поручил мне по прибытии покорнейше представить, что как он не имеет ни одного медеплавильного завода в своем владении для пушек и находится во всегдашней опасности от китайцев не наблюдающих с ним согласия», и поэтому он просит «пожаловать... для доставления к нему тысячи пуд меди и пятьсот солдатских оружий, кои мог бы он обратить в случае надобности к обороне». Для налаживания литья пушек в Ташкенте он просит «отпустить одного медеплавильного мастера, о коем приказал уверить, что чрез пять лет с благодарностью пажы возвращен будет».

Далее Мулладжан Махсум сообщает, что по пути в Россию в Казахской степи он выкупил русского пленного солдата Ивана Алексева, «из усердия моего, — пишет он, — к августейшему престолу... заплатив за него товаром 250 руб.» и передал его генерал-майору Лаврову⁸.

В письме, поданном Н. П. Румянцеву, Мулладжан Махсум просил его содействовать в возвращении товаров ташкентских купцов, ограбленных султанами Средней Орды на сумму 20 000 руб.⁹

По поводу просьбы ташкентцев о военной помощи следует заметить, что в конце XVIII — начале XIX в. не существовала реальная военная угроза Средней Азии со стороны Китая. Зато известно, что в этот период были довольно напряженными отношения Ташкента с Кокандским ханством и между ними происходили военные столкновения. Осенью 1800 г. Юнус Ходжа организовал военный поход против Коканда и потерпел поражение. В этой ситуации он, скорее всего, под предлогом защиты от Китая хотел получить военную помощь из России и использовать ее против экспансии Алим-хана, стремившегося подчинить себе Ташкент и через него войти в непосредственный торговый контакт с Россией.

Изучением предложений ташкентских послов занимался А. Р. Воронцов и им же были подготовлены ответы на грамоты Юнуса Ходжи и на письмо Мулладжана Махсума, которые были представлены Александру I.

Пробыв в Петербурге более 4 месяцев, ташкентские послы выехали 25 июля 1803 г. на родину в сопровождении унтер-офицера М. Бикмаева, а в сентябре того же года прибыли в Петропавловск, откуда их сопровождал до Ташкента Букей султана из Средней Орды¹⁰.

Мулладжан Махсум привез в Ташкент грамоту Александра I и ноту русского правительства за подписью А. Р. Воронцова. В грамоте говорилось: «Ташкентския земли владетелю Юнус Хаджию Наше Императорское величества милость и поздравление. Лист ваш отправленный к Нам великому Государю с посланником вашим везирем Моллою Джан дамоллою Магсумом, Нам подан и высокомоуаршего внимания Нашего удостоен, на которой по содержанию его, также по предметам изустному донесению от вас порученным, и по другим того посланника вашего прошениям, каков сообщен ему с соизволения Нашего на письме ответ, оный, усмотрите вы из ноты от Государственного Канцлера и Министра Иностраных дел графа Воронцова ему в удовлетворение данной. В прочем Мы великий Государь Наше Императорское величество, приняв как следует его везира Моллу Джан дамоллу Магзума, и Чиновников ваших диван Моллу Мехтие, Сейд Али Аксакала, Салех Джан диван бегия, Иса Мугамед Есаула и Казак Багадура, кои все содержанием от Нас дольствованы и награждены¹¹, и пред Наше Императорское величество по обряду представлены, повелели с ними же отправить к вам сию Нашу Императорскую Грамоту, поручив им же в соответствие присланной от вас бирюзы вам доставить два куска парчи по 12 аршин в каждом, десять аршин сукна, десять аршин атласа и золотые часы с такою же цепочкою, сколько в знак благоугодности Нашей к тому отношению вашему, сколько же и для изъявления Нашего всемилостивейшего вам благоволения»¹².

Ответы на предложения Мулладжана Махсума были даны в письме-ноте А. Р. Воронцова от 20 июля 1803 г. А. Р. Воронцов сообщал, что льготы ташкентским купцам, предоставленные прежде, «и ныне вновь подтверждаются»; что же касается отпуска оружия, канцлер писал, что Россия «издревле состоит в добром согласии и соседственной дружбе с китайским государством, по чему и не может не нарушая оных отпустить пагубное оружие во вред дружественной державе». Насчет

⁷ АВГР, ф. Главный архив 1—8, д. 1, л. 29. Мы располагаем оригиналом грамоты Юнуса Ходжи.

⁸ Там же, л. 40—43.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 67, л. 7.

¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 746, оп. 1, д. 9, л. 9—10, 15—16.

¹¹ Мулладжан Махсум был награжден 500 руб. сер., 12 арш. парчи, 10 арш. сукна и 5 арш. атласа, а каждый член посольства получил по 150 руб. сер., 5 арш. сукна и 5 арш. атласа. Кроме того, за время пребывания на территории России, с 1 сентября 1802 г. по 13 марта 1803 г., т. е. до приезда в Петербург, главе посольства было выдано для возмещения ежедневного расхода 92 руб., а членам миссии — 50 руб. на день. (АВГР, ф. Главный архив 1—8, д. 1, л. 66—67).

¹² Там же, ф. Главный архив 1—8, 1802 г., д. 1, л. 25—26.

разрешения покупки меди говорилось, что поскольку Юнус Ходжа оказывает «присяженное расположение и приверженность к высочайшему государя Императора двору, то и может предпочтительно прочим и подданные его покупать ее когда и сколько благоугодно»¹³.

Относительно же вопроса о выезде из России в Ташкент медеплавильного мастера говорилось, что если кто-либо из мастеров российских добровольно согласится поехать, то русское правительство не будет возражать. Далее в письме отмечалось, что деньги, израсходованные Мулладжаном Махсумом на выкуп русского пленного, будут ему выплачены по приезду его в Омск.

Относительно просьбы о возвращении ограбленным купцам товаров на сумму 20 тыс. руб. Воронцов писал, что генерал-майору Лаврову уже дано указание о принятии всевозможных мер к удовлетворению нанесенных убытков¹⁴.

Как видим, все предложения Юнуса Ходжи и Мулладжана Махсума, кроме продажи оружия, были приняты русским правительством и на их просьбы даны положительные ответы.

Таким образом, посольство Мулладжана Махсума успешно выполнило возложенную на него миссию, что имело большое значение в дальнейшем развитии взаимоотношений не только Ташкента, но и других городов Средней Азии с Россией.

Приведенные документы значительно обогащают наши знания о Ташкентском владении, его торгово-экономической и внешней политике в начале XIX в., а также позволяют уточнить некоторые события в истории Ташкента. В частности, в нашей историографии существует утверждение, якобы Юнус Ходжа скончался в 1801 г., т. е. через год после его похода на Коканд, состоявшегося 1 октября 1800 г.¹⁵

Приведенные выше документы, особенно письмо Юнуса Ходжи, датированное началом августа 1802 г., опровергают это утверждение и свидетельствуют о том, что к осени 1802 г. он еще здравствовал и был правителем Ташкента.

Э. Х. Ходжиев

¹³ Там же, л. 64—65.

¹⁴ Там же, л. 66—67.

¹⁵ Соколов Ю. А. Указ. соч. С. 94—95.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К ИЗУЧЕНИЮ ТРУДОВ МУХАММАДА ШАРИФА БУХАРИ

Одна из важнейших задач изучения истории философско-общественной мысли народов Средней Азии эпохи позднего феодализма (XVI—XVIII вв.) — выявление и перевод рукописных источников, тем более, что в этом отношении данный период в нашей литературе исследован пока крайне мало. К числу таких источников относятся труды крупного представителя общественной мысли Средней Азии XVII в. Мухаммада Шарифа ибн Мухаммада ал-Хусайни ал-Алави ал-Бухари (ум. в Бухаре в 1697 г.), известного под псевдонимом «ал-Мавляви»¹, творчество которого охватило вопросы философии, истории, поэзии, юриспруденции, языкознания и др. Его взгляды формировались на базе прогрессивных идей предшествующих мыслителей Средней Азии и Ирана.

Творчество мыслителя находится на стадии изучения. До наших дней сохранилось около 20 наименований трудов ученого.

Одна из интересных философских работ автора — его трактат «Зеркало истин»². Трактат состоит из пяти глав и заключения. Первая глава — о подтверждении необходимого; вторая — о познании природной, растительной, животной и человеческой души; третья — о возникновении всего сущего; четвертая — об объяснении причин сотворения мира; пятая — о возникновении и уничтожении.

Первая глава посвящена взаимоотношению необходимо-сущего и возможно-сущего. Мухаммад Бухари характеризует их следующим образом: «Каждое понятие, существование коего является необходимым, небытие его невозможным, называется необходимо-сущим, т. е. Всевышней Истиной, Каждое понятие, небытие которого является необходимостью, а существование его невозможным, называется невозможно-сущим, т. е. обратным сущности Всевышнего. Каждое понятие, бытие или небытие которого не является невозможным, называется возможно-сущим, то есть все сущее, кроме Аллаха»³.

Отсюда следует, что в понимании Бухари необходимо-сущее — это бог, а воз-

¹ См.: История ученых. Литография ИВ АН УзССР, инв. № 960, с. 22.

² Миръату-л-хаканик. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5600/XXXVII, л. 385—390. на перс. яз. Имеются и литографированные издания (см., напр.: инв. № 6694, 6705, 3522). Трактат написан в Бухаре.

³ Зеркало истин. Литография ИВ АН УзССР, инв. № 3522, с. 43.

можное бытие — матеральный мир. Далее он говорит: «Если существование вещей является необходимым, то это не требует доказательства. Если же является возможным, то существование каждой частицы будет исходить из другого, ибо возможное не может быть без творца»⁴. В этом смысле Бухари, как и многие его предшественники, в основном занимает идеалистическую позицию.

«Тело, — пишет автор, — бывает сложным и простым. Сложные тела это те, которые состоят из четырех элементов. Простое тело это то, что не состоит из четырех элементов. Оно [тело] бывает высшим или низшим. Высшие — это небесные тела. Низшие — это те, которые состоят из четырех элементов. Высшие бывают отличающимися, т. е. имеющие отличительную черту. Или же не отличающимися, т. е. не имеющие отличительной черты. К отличающимся относятся светила. К неотличающимся — небесные тела. Если душа находится в сложных телах и последние не прозрастают, они называются твердыми телами. Если прозрастают, но не обладают никаким ощущением и движением, то называются растением. Если обладают ощущением и движением, но лишены речи, называются неговорящим животным. А если имеют ощущение, движение и речь, то называются человеком. Таким образом, стало известно, что субстанция делится на пять: это — разум, душа, первома́терия, форма и тело»⁵.

Вторая глава, как мы уже говорили, посвящена вопросу о душе. Автор, как и многие его предшественники, большое внимание уделяет широко распространенному в средние века учению о душе и душевных силах человека. Однако в отличие от многих своих предшественников, как Ибн Сина, Джурджани и др., разделявшие учение Аристотеля о трех видах души, Бухари отличает четыре разновидности души: природную, растительную, животную и человеческую. «Природная душа является такой силой, которая не позволяет разделению и разложению частей тела. У этой души имеются две силы: одна — сила тяжести, вторая — она легкости. Сила тяжести всегда склонна к центру. Сила легкости склонна к [окружающей] среде»⁶.

В главе, посвященной возникновению всего сущего, хотя мыслитель и занимает изначально твердую объективно-идеалистическую позицию, но его высказывания при объяснении явлений материального мира заслуживают внимания: «После дуинного свода из мира тел он в первую очередь сотворил матерью. Ее обозначили термином первома́терия. Из этой материи проявились четыре природы. Соотношение этих четырех натур к материи аналогично соотношению железа к ножу, мечу и кинжалу. Известно, что железо способно воспринимать форму и каждая форма необходимо именуется иногда мечом, иногда ножом, а иногда кинжалом. Материя также обладает способностью облекаться в какую-либо форму и принимать ее название. Иногда называют ее землей, иногда водой, иногда ветром, а иногда огнем»⁷.

Сочинение автора («Ар-рисала ад-давриййа» («Трактат о периодичности»)⁸ было написано в Бухаре (год написания неизвестен). Имеет несколько списков, относящихся к началу XIX в., один из которых называется «Рисала истилзами-д-давр мин гасалсул» («Трактат о необходимой зависимости периодичности от последовательности»)⁹.

Трактат посвящен вопросам прерывности и непрерывности. Интересно, что автор расматривает эту проблему в виде восходящей спирали. В его представлении на каждый прерывный круг — «ступень» — становится другая ступень. В результате образуются так называемые «вышестоящие» и «нижестоящие» ступени, т. е. мы имеем дело с периодичностью, необходимой предпосылкой существования которой является последовательность. Непрерывное повторение восходящих по спирали ступеней в цепи последовательности приведет, по мнению автора, к бесконечности. Таким образом, условием бесконечной восходящей цепи является бесконечный ряд прерывных ступеней, соединенных в круговой последовательности. Однако автор на этом не останавливается. Он ведет заочный спор со своими предшественниками о качественных отличиях вышестоящей ступени от нижестоящей.

Сочинение «Такаммуле ат-татимме» («Восполнение завершения»)¹⁰, как видно из названия, является своего рода восполнением или дополнением к философскому труду известного среднеазиатского мыслителя Юсуфа Карабаги «Татиммату-л-хаваши фи изалати-л-гаваши» («Завершение глоссарий в исправлении неясностей»). Трактат Мухаммада Бухари был написан в Бухаре и дошел до нас в виде списков, которые создавались вплоть до начала XX в. Сохранились два списка, кроме указанного выше, — Р-6623 и Р-10869.

К числу серьезных философских работ Мухаммада Бухари следует отнести и примечания к известнейшим на Востоке трудам. Во-первых, это — «Хашия ала шархил-акаид ад-адудиййа» («Примечание к комментарию Адудовых взглядов»)¹¹. Автор оригинального трактата — Адуд ал-миллат ва-д-дин Абдурахман бин Ахмад бин

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 49—50.

⁸ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 10645-XI, л. 516—519, на араб. яз.

⁹ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2445-V, л. 34—38, на араб. яз.

¹⁰ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4796-1, 116 л., на араб. яз.

¹¹ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5556, 217 л. на араб. яз.

Абдулгaffар ас-Сиддики ал-Мутарази аш-Шибанкари, именуемый в просторечии Адудуддин ал-Иджи. Настоящий трактат о догматах веры в суннитском понимании написан автором за две недели до смерти, 13 рамазана 756/21 сентября 1355 г.

В последующие века многие авторы откликнулись на него различными комментариями. Наиболее популярный из них — комментарий известного философа XV в. Джалалуддина Даввани, на труд которого и было написано примечание Мухаммада Бухари. Труд состоит из двух глав: 1. Старое примечание к комментарию Даввани; 2. Новое примечание.

Очевидно, обе главы были написаны автором в разные этапы его жизни, а затем, уже переписчиком, соединены в одной рукописи. Под этим названием, кроме указанного, есть еще два списка: P-741 и P-4124. Ранние списки не сохранились, а дошедшие до нас датируются 80-ми годами XIX в.

Сюда же относится рукопись¹² под названием «Шарху-ш-шарх бар мулла Джалол» («Комментарий к комментарию муллы Джалала»). Всего сохранилось шесть экземпляров: 10224-III, 5920-II, 741-II, 11057-III, 10758-II, 6564-I.

Имеется еще третья группа рукописей — примечаний Бухари на комментарий Даввани к «Адудовым взглядам». Дело в том, что здесь мы уже встречаемся с разделными главами, которые выше обозначены как «старое» и «новое» примечания. Всего сохранилось около 20 экз. этих списков. Многие из них не закончены по вине переписчиков.

Другой комментарий Мухаммада Бухари — «Хашия Мавляви Шариф бар шархи тахзиб» («Примечание Мавляви Шарифа к комментарию исправления»)¹³. Полное название оригинального трактата — «Исправление логики и калама», однако почти во всех источниках он упоминается сокращенно как «Исправление». Автор трактата — крупный знаток логики средневекового Востока, самаркандский ученый XIV в. Саъдуддин Тафтазани. Этот труд по логике был настолько популярен в Средней Азии и за ее пределами, что ученые отвечали различными комментариями и примечаниями на комментарий вплоть до XIX в. Затем, до начала XX в., известные уже комментарии и примечания на трактат издавались литографическим способом.

Второй дошедший до нас список называется «Хашия Мавляви Шариф бар мулла Джалол» («Примечание Мавляви Шарифа к [комментарию] муллы Джалала»). Оба упомянутых списка относятся к началу XIX в.

Социально-этические воззрения автора изложены в «Китабе фаваиди хаканиййа»¹⁴ («Книга о царских полезностях»). Трактат написан в Бухаре в 1053/1643 г. Затем переписывался вплоть до XVIII в. Один из списков называется «Благодарственный трактат». Рукопись содержит много ценных сведений о различных аспектах современной автору социальной жизни, а также конкретный материал по социально-этическим проблемам. Книга состоит из 22 глав и 32 разделов. Остановимся на наиболее важных из них.

Глава «О царствовании и обо всем, что по шархату связано с ним» начинается словами о качествах правителя: «Халиф должен быть мусульманином, благорассудным, совершающим подвиги, с даром речи, зрением, слуха», «...должен уметь исполнять предписания шархата, [обеспечивать] сохранность границы государства от посягательства неверных и правителей, защищать угнетаемых от зла и гнета угнетателей и если халиф будет обладать всеми этими качествами и добрым нравом, то он достоин властвования»¹⁵.

Третий раздел — о справедливости халифа, где автор, в частности, говорит: «...справедливость в царствовании является добродетелью»¹⁶.

Четвертый раздел — о мятежниках. Здесь автор характеризует их следующим образом: «Мятежником является человек, который оспаривает истину со справедливым шахом-мусульманином, правящим на основе Корана и хадисов пророка»¹⁷.

Шестой раздел — о взимании податей, налогов и их использовании шахом. Этот раздел важен для нас своими ценными сведениями о налоговой системе. С этой точки зрения заслуживают внимания также разделы седьмой и восьмой.

Представляет интерес глава о мерах наказания, где автор рассказывает о мерах, принимаемых против тех, кто повинен в прелюбодеянии, питье вина, оскорблении и др.

Далее следуют такие интересные главы, как: глава о сооружениях, построенных для народа, глава об узурпации и ряд других.

Поэтическое наследие философа представлено в «Диван-е Шариф» («Диван (стихов) Шарифа»)¹⁸. Всего под этим названием, кроме указанной, имеется пять рукописей: 6674-V, 6754, 2361-I, 1014, 1036-VIII. Все они написаны в Бухаре в 1090/1679 г. в медресе «Мир Араб», где автор, очевидно, занимался преподавательской деятельностью. Имеются и еще две рукописи (1110-III, 2046-I), которые называются «Га-

¹² Все упоминаемые нами условные группы рукописей отличаются лишь по названию.

¹³ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 6364-III, 10 л., на араб. яз.

¹⁴ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5444, 87 л., на перс. яз.

¹⁵ Там же, л. 4а.

¹⁶ Там же, л. 5б.

¹⁷ Там же, л. 6б.

¹⁸ См.: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 6656-IV, 47 л., на перс. яз.

заллийфати Шариф» («Газели Шарифа»). Текстологическое сравнение их с предыдущими показало в целом их идентичность в том смысле, что в последние две рукописи включены только газели из упомянутого поэтического дивана.

Диван переписывался вплоть до начала XX в. Например, рукописи инв. № 6674 и № 2046 были переписаны в 1317/1899 г. Это говорит о том, что поэтическое сочинение Бухари пользовалось большой популярностью. Исследование поэтического наследия автора представляется очень важным, ибо это дало бы нам интересный дополнительный материал о развитии литературы народов Узбекистана.

Дошел до нас и труд Мухаммада Бухари по вопросам арабской грамматики «Хашия-и Мавляви Шариф бар фаванд-и Зияйийа» («Примечание Мавляви Шарифа к Зияевым полезностям») ¹⁹. Это примечание к комментарию на учебный трактат по арабской грамматике «ал-Кафия» («Достаточная») Ибн ал-Хаджиба (ум. в 646/1248 г.) ²⁰. Автор комментария — знаменитый поэт и ученый Кавамуддин Абдуррахман бин Ахмад ал-Джами ан-Накшбандий (род. в 817/1414, ум. в 898/1492 г. в Герате).

Комментарий составлен автором для его сына Дияуддина Юсуфа в 897/1491 г. и получил широкое распространение в медресе Средней Азии как учебное пособие. В просторечии он был известен под названием «Шарх-и Мулла». Примечание Бухари представляет собой солидную рукопись, написанную в Бухаре. Все дошедшие до нас списки датированы концом XIX в. Труд состоит из четырех глав и посвящен вопросам грамматики арабского языка. В ИВ АН УзССР хранятся следующие экземпляры: Р-11764, Р-11059, Р-737, Р-4095, Р-10323, Р-10654, Р-11464.

Даже из этого беглого обзора творческого наследия Мухаммада Шарифа Бухари видно, что глубокое изучение трудов этого крупного мыслителя Средней Азии XVII в. существенно расширит наши представления об уровне развития философской мысли в регионе и безусловно восполнит имеющиеся пробелы в изучении ее истории.

М. Н. Нуритдинов

¹⁹ См.: Там же, инв. № 10811-1, 257 л., на араб. яз.

²⁰ Это один из самых распространенных учебных трактатов по арабской грамматике, имеющийся почти в каждом рукописном хранилище и не раз изданный на Западе и Востоке.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. ТАЛИПОВ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ИРАНЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(М.: Наука, 1988. 296 с.)

Историко-философские исследования составляют важное направление творческого развития философской науки. В этой связи надо отметить, что в ряду историко-философских работ, посвященных возникновению и развитию буржуазной социально-философской мысли в период кризиса феодализма на Востоке, в частности в Иране, достойное место заняла книга Н. А. Талипова «Общественная мысль в Иране в XIX — начале XX в.»

В своем исследовании автор не ограничивается только философскими концепциями национальных мыслителей, а рассматривает и внефилософские формы мировоззрения, в которых непосредственно отражались изменения традиционной национальной психологии, общественной и философской мысли, прежде всего прогрессивной иранской интеллигенции. Изучение мировоззренческих сдвигов в духовной культуре Ирана на основе анализа первоисточников позволило автору раскрыть реальные истоки новых социально-философских идей, установок и ценностей, меру их соответствия действительным общественным запросам революционного преобразования феодального Ирана в буржуазный.

В работе чувствуется новый стиль мышления и конструктивный подход автора в реконструкции общественной и философской мысли феодального Ирана в XIX в. и философского анализа существующих идейных течений (с. 7), что позволило ему в определенной степени избежать вульгарно-социологических обобщений, с одной стороны, и недооценки значения просветительского движения в общественной жизни Ирана, — с другой. Как подчеркивается во введении, «иранское просвещение изучалось нашими учеными главным образом в историко-литературном аспекте и требует всестороннего философского осмысления и освещения» (с. 9).

В первой главе убедительно показано, что изменению общественных отношений, феодальных институтов и развитию «идеологии иранского просвещения непосредственно предшествовали важные события в социально-экономической, политической и идейной жизни страны» (с. 18). Автором верно отмечено, что таковыми были: развитие науки и культуры, идеологический кризис, проникновение в страну иностранного капитала, становление первоначальных основ буржуазного способа производства, ко-

торое, затронув материальные интересы абсолютного большинства населения Ирана; «еще больше усилило противоречия между нарождающимися новыми формами организации труда и ростом товарно-денежных отношений, с одной стороны, и консервативной феодально-абсолютистской системой...», — с другой, и в целом ускорило процесс распада феодального строя, обострило борьбу за его ликвидацию» (с. 28), а также пересмотр «всей религиозной догматики в плане приведения ее в соответствие с новыми историческими условиями» (с. 32).

Следует особо подчеркнуть, что буржуазные историки Востока и Запада, как правило, односторонне фиксируют внимание на том обстоятельстве, что мусульманская просветительская пропаганда, будучи религиозной, расширила социальную базу исламской мысли, поскольку под ее влиянием широкие массы мусульман включились в борьбу за очищение (выражение Ф. Энгельса) «истинного ислама» от наслоенного, позднего. Просвещение, его реформаторское крыло (бабиды, бехаиты, просветители, реформаторы) упрочивали ислам лишь в той мере, в какой он привлекал внимание верующих к мирским (в частности, общественно-политическим) вопросам. Они способствовали секуляризации общественного сознания уже потому, что светское содержание просветительского и реформаторского движения признавалось последующими идеологами национально-освободительного движения достойным верующего мусульманина.

Однако революционные изменения в политической и духовной жизни иранского общества XIX — начала XX в. во многих случаях шли дальше непосредственных интересов буржуазии, прорывали узкий горизонт буржуазного мировоззрения постановкой проблем и задач, развитием диалектико-материалистической и революционной мысли. Плафон гражданственности, общественной активности — примечательная (и до сих пор поучительная) черта социальной философии иранского просвещения — убедительно раскрыт во второй главе монографии (с. 47—216).

В книге показано, что прогрессивные общественные идеи иранских просветителей первоначально усматриваются в их этической, просветительской и политической мудрости. Вера во всемогущество Разума и Просвещения содержит в себе, конечно, немало наивного, но, как верно отмечает автор, сама эта наивность была исторически оправдана, действительна и прогрессивна (с. 62, 86—96). Здесь же наряду с сильными сторонами социальной философии иранского просвещения — естественно-научным материализмом и концепцией сравнительно-исторического метода (с. 159—176), разработанными передовыми философами Ирана рассматриваемого периода, убедительно показаны и слабые ее стороны — религиозно-идеалистические идеи (с. 50—96, 176—189).

Автор показывает, что выдающиеся мыслители XIX — начала XX в. сделали предметом философского анализа единство общественного и индивидуального, которое в эпоху кризиса и распада феодализма и антагонистического общественного развития не могло не проявиться в острых, болезненных противоречиях. Философская мысль Ирана рассматриваемого периода, особенно социальная философия — просвещение, философия человека, — буквально выстрадала новые фундаментальные принципы, ценности, идеалы, которые были чужды феодальному мироощущению. Она, как и социальная философия европейского Просвещения, признавала в качестве неотъемлемых сущностных характеристик человека его стремление к сохранению жизни; свободе, равенству, разумности, социальной активности, иными словами, обновляла гуманистическое понимание сущности человека (с. 119—133, 176—189), которое на новой философской основе развив марксизм.

Большой интерес представляет третья, завершающая глава работы — «Возрастная идейная борьба и политическая активность шиитского духовенства на рубеже XIX—XX вв.» (с. 218—266). Здесь автор проводит верную мысль о том, что враждующие лагеря национально-освободительных сил Ирана этого периода «постоянно апеллируют к религии как к надклассовой идеологии» (с. 218), которая объединяла разнородные классы и общественные слои в единый антифеодальный и антиколониальный фронт (с. 218). Поэтому рассмотрение любой «общественно-политической проблемы Ирана данного периода невозможно «без учета позиции и роли духовенства» (с. 218). В острой политической и идеологической борьбе, по утверждению автора, шиитское духовенство к началу XX в. подразделялось на реакционную, консервативную и умеренно-радикальную группу, которые сыграли немаловажную роль в ликвидации национальных сил в борьбе против колонизации Ирана капиталистическими державами, и отрицательную роль в широком развитии и углублении революционного процесса в стране.

Защиту прогрессивного, гуманистического наследия передовой философской мысли прошлого автор правильно считает одной из важнейших задач современной историко-философской историографии. Для всей работы характерно нешаблонное, творческое отношение к достижениям мировой философской мысли. И это понятно, поскольку в книге речь идет о пока не разработанной в советской историко-философской литературе проблеме зарождения буржуазной идеологии в феодальном Иране и социальной философии ее выдающихся представителей Сейид Али Мохаммад Баб (1820—1851), Мирза Мальком-Хана (1833—1908), Зейн-Абедина Марагани (1837—1910), Абдор-Рахима Талибова (1834—1911) и Шамс оль-Орафа (1870—1931).

В работе имеются также отдельные недостатки и упущения. Известно, что каж-

дая новая идея не возникает сразу, на пустом месте. То же можно сказать и об общественных воззрениях просветителей Ирана XIX — начала XX в. С этой точки зрения, как нам кажется, автор не уделил должного внимания раскрытию идейных основ общественных воззрений просветителей. Из источников видно, что в Иране на протяжении веков хорошо были известны труды Фараби, Ибн Сины, Беруни, Джамш. Навои и др. Их общественные идеи оказали определенное влияние на творчество Мараган, А. Талибова, Шамс оль-Орафа и др. По нашему убеждению, изучение влияния среднеазиатских мыслителей на общественную мысль Ирана не только помогло бы лучше понять творчество иранских просветителей рассматриваемого периода, но и способствовало бы более глубоко осмыслению культурных и идейных связей между Средней Азией и Ираном, берущих начало с древних времен. Другое немаловажное упущение автора, на наш взгляд, заключается в том, что поднятые им важные вопросы очень слабо увязываются с современностью. Ведь без анализа истории общественной мысли нельзя понять современные социальные перемены, революционные события и идеологические движения, происходящие в странах Ближнего и Среднего Востока. Антифеодальные и антиколониальные идеи просветителей, выступления шитского духовенства и др. актуальны и сегодня. Изучение их позволит лучше понять специфику современной классовой борьбы в мусульманских странах, политические выступления народных масс и т. д.

В целом же мы считаем, что автором проделана большая и кропотливая работа по изучению общественной мысли Ирана в XIX — начале XX в. Его книга, восполняющая существенный пробел в изучении истории общественной мысли этой страны, будет полезной для востоковедов, историков, философов, студентов и всех интересующихся историей, культурой и философией нашего южного соседа.

Х. А. Аликулов, А. Дж. Шарипов

Т. Д. АННАЕВ, РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА

(Ташкент: Фан, 1988. 82 с.)

Северный Тохаристан — один из наиболее изученных в археологическом отношении регионов Средней Азии. Приводимые в рецензируемой работе новые данные значительно дополняют наши сведения о сельских поселениях юго-западной части Сурхандарьинской долины (юг Узбекистана), где автором проведена большая работа по их фиксации и раскопкам. Результаты ее, положенные вначале в основу кандидатской диссертации Т. Д. Аннаева, опубликованы ныне отдельной книгой. В соответствующих главах рассматривается типология сельских поселений Сурхандарьинской долины, которая основывается на «признаках функционального назначения» (с. 8), детально характеризуются раскапываемые объекты.

Во время раскопок автор уделял большое внимание детальной фиксации керамики как основному материалу. Она представлена довольно подробно в тексте, таблицах и служит, наряду с монетами, для датировок. Преимущественно на основе керамических материалов автор выделил 3 археологических комплекса: 1. Куевкурганский (вторая половина V — первая половина VI в.), 2. Хайрабадский (вторая половина VI — первая половина VII в.), 3. Кулагинский (вторая половина VII — первая половина VIII в.). В завершающей главе сделана попытка обобщить имеющиеся данные в культурологическом плане.

Многие недостатки первых глав книги обусловлены тем, что автор, используя материалы из юго-западной части Сурхандарьинской долины, переносит полученные выводы на весь Северный Тохаристан. Например, он пишет, что, «судя по некоторым экземплярам из Балалыктепа и Хосияттепа, во второй половине VII — первой половине VIII в. возродилось изготовление двуручных кувшинов» (с. 70). Не оспаривая этот вывод по крайней мере для Хосияттепа, необходимо отметить, что для ранне-средневековой керамики южных районов Таджикистана он не подходит.

По этой же причине неприемлем и вывод о том, что в V — VI вв. в Северном Тохаристане сохраняется фигурное лощение по ангобу. Так, на керамике Кобадияна, Вахшской долины оно исчезает во второй половине V в. Вызывает сомнение и выделение некоторых типов керамики Тохаристана как основных из-за их локального распространения (табл. I, раздел IV, 1, 4).

Т. Д. Аннаев правильно отмечает, что в Южном Таджикистане основными объектами раскопок являются раннесредневековый город и памятники, связанные с буддизмом, тогда как в Южном Узбекистане преимущественно изучались сельские поселения (с. 4), но, на наш взгляд, именно в этой связи надо было максимально использовать материалы, полученные в Южном Таджикистане при раскопках сельских поселений, например Нижнего Уртабоза в Вахшской долине.

Не оспаривая в целом хронологической колонки, предложенной Т. Д. Аннаевым для памятников Сурхандарьинской долины, хотелось бы отметить неправомерность включения в Хайрабадский археологический комплекс материалов замка Балалыктепа, отчасти потому, что балалыктепская керамика морфологически и технически сильно отля-

чается от керамики других памятников, вошедших в этот комплекс, например Хосияттепа. Столкнувшись с этим фактом, автор объясняет его «не археологическим различием керамических комплексов Хосияттепа и Балалыктепа, а скорее всего предназначением всего замка, где роскошно украшенный росписями комплекс требовал и определенного количества редких и высококачественных керамических изделий» (с. 41—42). На наш взгляд, это различие объясняется именно хронологическим несоответствием балалыктепинской и хосияттепинской керамики.

Керамика Балалыктепа представлена в основном сосудами, оставленными в помещении 12 в результате перестройки здания после того, как «жителей замка постигло какое-то бедствие». Датируется она Л. И. Альбаумом V в. Однако сравнение ее с хорошо датированными комплексами северотохаристанской керамики, покрытие сосудов подлинным ангобом, а не его заменителем в виде растворенного в воде порошка охры (так называемого пачкающего ангоба), пропорции сосудов позволяют датировать керамику Балалыктепа концом VI — первой половиной VII в. На Хосияттепа же встречается керамика, покрытая водным раствором порошка охры, а эта техника декора, по нашим наблюдениям, получила распространение в Северном Тохаристане во второй половине VII — первой половине VIII в.

Большое значение для понимания культуры Северного Тохаристана имеет вопрос об античных традициях, сохранившихся в его владениях в той или иной мере на протяжении всего раннего средневековья. Угасание их шло неравномерно. В Термезе они, например, сохранялись гораздо дольше, чем во владениях Ахарун, Шуман, Вахш. Неравномерность развития северотохаристанских владений объясняется и различием их природных условий, уровнем экономики. В тех владениях, которые непосредственно граничили с Согдом, постепенно формировалась смешанная культура, вобравшая в себя тохаристанские и согдийские элементы. В глубинных же районах Тохаристана автохтонная культура выступает в более «чистом» виде. В этой связи представляется, что специфика культуры северотохаристанских владений должна не только констатироваться, но и подробно рассматриваться по всем компонентам.

Не может удовлетворить читателя степенью своей полноты и теоретическая (IV) глава «Северный Тохаристан в эпоху раннего средневековья», потому что она опять же замкнута только на характеристике итогов исследования сельских поселений Сурхандарьинской долины и не отражает всего многообразия и богатства экономики и культуры региона. Автором очень схематично и кратко обозначены лишь отдельные вопросы интересной проблемы.

В работе имеются и неточности чисто технического свойства. Например, в описаниях замка Кучуктепа упоминаются стреловидные бойницы в нишах. Автор демонстрировал их нам и при посещении замка в 1986 г. Однако на графических планах замка ниши не показаны.

Многих отмеченных нами недостатков автор мог бы избежать, познакомившись непосредственно с материалами раннесредневековых памятников Южного Таджикистана, хранящимися в фондах Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН ТаджССР. В этой связи еще раз убеждаешься в необходимости развития контактов между археологами обеих республик, изучающими одни и те же регионы.

Но в целом нам представляется, что книга Т. Д. Аннаева, содержащая большой фактический материал, весьма полезна для исследователей раннесредневековой культуры не только Северного Тохаристана, но и всей Средней Азии.

В. С. Соловьев

НОВЫЕ КНИГИ

О. ЭШКУВАТОВА. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1918—1987 гг.)

(Ташкент: Фан, 1988. 192 с.)

Глубокое изучение процессов развития национально-освободительного движения в странах Азии и Африки — одна из актуальных проблем, вокруг которой до сих пор идут острые споры историков, востоковедов, публицистов, политиков, партийных и государственных деятелей. Анализу историографии данной проблемы и посвящена работа О. Эшкуватова.

Автор рассматривает развитие основных направлений исследований советских ученых в данной области за период от победы Октября до наших дней на фоне тех политических изменений, которые происходили в странах Азии и Африки в 20 — середине 80-х годов. О. Эшкуватов выделяет наиболее острые вопросы, вокруг которых идет дискуссия в советской и буржуазной историографии, указывает на многоплановость этой литературы, выявляет ведущие тенденции, отражающие различное классово-политическое восприятие национально-освободительных движений и революционных событий на зарубежном Востоке.

В книге прослежены эволюция марксистской концепции национально-освободительных движений в странах Азии и Африки в советской историографии, особенно определение в ней характера первых национально-освободительных войн и революций, расстановки классовых сил, а также то новое, что внесено в решение этих проблем советской востоковедческой наукой на современном этапе. В частности, дана критическая оценка некоторых работ советских авторов 20—30-х годов о предпосылках и причинах национально-освободительных революций в Китае, Индии, Иране и Турции, их движущих силах, отношении молодого Советского государства к этим революционным процессам.

Самому тщательному и всестороннему анализу подвергаются в книге общие закономерности и особенности формирования и развития советской историографии в условиях бурного роста национально-освободительных движений, различные точки зрения на научную и общественную деятельность наших ученых по узловым проблемам новейшей истории бывших колоний и полуколоний.

Весьма поучителен данный в работе анализ успехов советской историографии по изучению проблем теории и практики некапиталистического пути развития народов Азии и Африки. В книге излагаются взгляды советских авторов на широкий комплекс вопросов, связанных с изучением характерных особенностей исторического развития освободившихся стран Востока, его трудностей и противоречий. Автор критически относится к дискуссиям среди некоторых советских ученых, оценке самого феномена социалистической ориентации.

В целом работа О. Эшкuvatова обогащает наши знания о национально-освободительных движениях в странах Азии и Африки, процессе их исторического развития, отражении его в трудах советских исследователей, в том числе ученых Узбекистана.

М. Худойкулов, А. Буриев

ХРОНИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИАЛЕКТИКА ПОИСКА НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РАЗВИТИИ НАУКИ И УСКОРЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА»

23—24 марта 1989 г. в Институте философии и права АН УзССР состоялась Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Диалектика поиска возможностей в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса». Участники ее обсудили также некоторые результаты программы исследований «Диалектика поиска новых возможностей и их реализация в развитии науки и ускорении НТП», проводимых в секторе диалектического материализма Института философии и права АН УзССР под руководством докторов филос. наук А. Ф. Файзуллаева и М. Н. Абдуллаевой. В конференции приняли участие философы из 36 городов Советского Союза, а также из ГДР и НРБ.

На пленарном заседании, открывшемся вступительным словом вице-президента АН УзССР, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупова, выступили доктора филос. наук А. Ф. Файзуллаев, М. Н. Абдуллаева, К. И. Иванова, А. К. Валиев, В. С. Никитченко, акад. АН ЭССР Я. К. Ребане.

А. Ф. Файзуллаев в своем докладе коснулся проблем диалектики превращения возможности в действительность, классификации противоречий и способов их разрешения в противоречивом человеческом мире. Основные возможности разрешения наших реальных жизненных противоречий — это возможности наций, НТР и НТП. Наличие различий между возможным и действительным является условием порождения и функционирования науки и вообще интеллектуальной деятельности. В докладе отмечена также особая группа возможностей — это возможности человеческого фактора в НТП, такие, как инициатива и гражданственность, деловитость и убежденность и т. п.

В докладе К. И. Ивановой, посвященном основным направлениям интенсификации философских исследований, был обоснован выбор проблем именно фундаментальных, связанных с теорией познания, материалистической диалектики. Теоретизирование, увлечение надуманными, искусственными абстракциями, как подчеркнуто докладчиком, подвергаются сейчас справедливой критике, но это не должно отгеснять на задний план абстрактное теоретизирование как необходимый компонент всякого теоретического знания. Перестройка в философии не должна идти за счет отказа от классических проблем диалектического материализма, она возможна лишь на основе многоплановых исследований во всех сферах философской науки.

М. Н. Абдуллаева посвятила свой доклад единству методологии и мировоззрения в поиске возможностей. Ею был рассмотрен такой важнейший аспект поиска возможностей, как концепция нового мышления. Адекватность этого мышления зависит во многом от единства методологических и мировоззренческих установок, от исходных фундаментальных принципов и теоретических традиций. Единство методологии и мировоззрения должно обеспечить включение субъекта в понимание его деятельности, без чего наука принимает отчужденный от человека и человечества вид.

В выступлении акад. АН ЭССР Я. К. Ребане в качестве фактора ускорения развития науки названы междисциплинарные исследования, которые, как правило, осуществляются на самых передовых уровнях развития науки и обусловлены прямым социальным заказом.

Развитие междисциплинарных исследований приводит к формированию качественно новой концептуальной схемы и далее — к междисциплинарному синтезу в новой предметной области на основе этой схемы. В результате развития междисциплинарного синтеза должны возникать новые формы знания и новые формы организации познания, новые методы познания и качественно развитые структуры социальной памяти.

А. К. Валиев выступил с докладом «Противоречия в духовной жизни и поиск путей их преодоления», в котором были подробно проанализированы противоречия, возникающие именно в условиях социализма. Рассмотрены причины возникновения ряда субъективных противоречий, свойственных бюрократизму и централизации, а также застойным явлениям. Бюрократизм в условиях социализма, отмечалось в докладе, превратился в механизм торможения духовного развития общества.

Анализу возможностей субъекта перестройки был посвящен доклад проф. В. С. Никитченко. Он особо подчеркнул, что несмотря на то, что неисчерпаемым источником возможностей является окружающая нас действительность, к открытию новых возможностей приводят только действия человека. Альтернативы реализации возможностей все больше зависят от субъективного фактора, прежде всего от творчески мыслящего и творчески действующего субъекта. Преодолеть огромную дистанцию от открытия возможностей перестройки до их реализации — в этом процессе все в конечном итоге также зависит от человека.

В центре внимания участников конференции были научно-теоретическая концепция поиска возможностей, по существу — теоретическая модель перестройки в аспекте ее возможностей, а также проблемы и перспективы, решения и средства, связанные с этой концепцией.

Работа конференции проходила по четырем секциям.

На 1-й секции: «Философские основания поиска возможностей в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса» (руководители: доктора филос. наук: В. С. Готт, А. Ф. Файзуллаев, А. Н. Кочергин, Л. Е. Гарбер, С. Ф. Мартынович, канд. филос. наук Б. Р. Каримов) — основная часть выступлений была посвящена поиску самых разнообразных оснований конкретной диалектики развития научного и философского знаний. Были затронуты возможности дифференциации и интеграции наук (канд. филос. наук Д. А. Гущин), возможности научного познания, связанные с практикой (доктор филос. наук Л. Е. Гарбер), возможности принципа развития в методологии научного познания (канд. филос. наук Р. С. Сейфуллаев и О. Р. Сейфуллаев), возможности формирования нового знания в условиях ретроспективной оценки науки (канд. филос. наук Г. А. Бакиева), структурно-функциональные связи возможностей и действительности (канд. филос. наук В. В. Гречаный и В. М. Шорохов).

Ряд научных сообщений был посвящен анализу философских проблем развития научного знания (канд. филос. наук Ф. М. Сайфутдинов), вопросам диалектики и возможностей развития (канд. филос. наук Д. Н. Соловьева), субъектно-объектных отношений (канд. филос. наук С. А. Лебедев, А. М. Поджарова), возможностям научного познания (канд. филос. наук Ж. А. Бокошов, А. Ю. Цофнас, В. А. Герасименко, У. Ж. Хайдаров, О. Ф. Мартынович, Б. Я. Пугач, В. В. Хасин, Б. О. Тураев, н. с. Г. А. Покачалов).

Проблемы методологии поиска возможностей в развитии науки рассматривались на заседании 2-й секции (руководители: акад. АН ЭССР Я. К. Ребане, доктора филос. наук Ю. В. Сачков, М. Н. Абдуллаева, Г. Г. Шляхин, А. М. Магомедов, н. с. Г. А. Покачалов).

Были рассмотрены возможности системного подхода в научном познании (доктор филос. наук М. Х. Хасанов), возможности познания методом восхождения от абстрактного к конкретному (канд. филос. наук Б. Р. Каримов), возможности научного фактора в поисках нового знания (канд. филос. наук Р. Х. Аманбаева). Отдельные выступления затронули возможности влияния на развитие науки и ускорения НТП частных наук — математики (доктор филос. наук А. М. Магомедов и канд. филос. наук Н. П. Сисюк) и химии (канд. филос. наук Г. А. Федина). В докладе канд. филос. наук И. С. Хашимовой анализировались экологические противоречия между потребностями общества и возможностями биосферы.

О возможностях научно-технического прогресса говорилось в сообщениях доктора филос. наук Г. Г. Шляхина и канд. филос. наук Х. Ю. Саламовой. Возможности биологии на современном этапе развития науки и общества затрагивались в сообщениях канд. биол. наук М. Э. Эгамкулова, доктора филос. наук Р. Таганова, канд. филос. наук Д. В. Бирюкова, И. М. Хайдарова, В. К. Хрипунова. Связь научного поиска с идеями восточной философии была показана в работах канд. филос. наук П. И. Бабаева и Р. О. Курбанова. Различные противоречия и возможности процесса научного поиска вскрывались в сообщениях канд. филос. наук Б. Д. Бабаева и Э. Х. Расулева, н. с. Н. Н. Кунденко, М. М. Усманова и асп. С. А. Раззакова.

В работе 3-й секции: «Социально-философские проблемы поиска возможностей».

ускорения НТП» (руководители: чл.-кор. АН КиргССР А. А. Брудный, доктора филос. наук А. К. Валиев, В. С. Никитченко, М. Х. Хасанов, П. Н. Калошин, канд. филос. наук Р. М. Имамалиева) — был сделан акцент как на поиск социальных возможностей ускорения, так и на возможности социальной перестройки. Были заслушаны выступления по проблемам общесоциологических факторов ускорения развития науки (доктор филос. наук П. Н. Калошин), о воздействии культуры на развитие и ускорение НТП (н. с. П. П. Чулиев), о проблемах поиска диалектической связи в познании социальных явлений (канд. филос. наук Р. М. Имамалиева).

Поиску возможностей разрешения противоречий в национальных отношениях посвятили свое выступление канд. филос. наук Ш. Т. Туляганов и Б. Р. Каримов, диалектике перемен социо-культурной системы — Р. Дратнева (НРБ). Канд. филос. наук А. Гафурова рассмотрела в качестве средства ускорения НТП создание принципиально новой техники. В докладе канд. филос. наук А. Дж. Шарипова были затронуты вопросы диалектики объективных и субъективных факторов поиска возможностей в сфере общественных наук.

Анализу перспектив и технологий формирования нравственных норм личности посвятил свой доклад доктор филос. наук С. М. Пеньков. Проблемы возможностей личности затронули также канд. филос. наук Э. Н. Долкарт и Н. В. Ходжаева. О возможностях в области идеологии, национальных отношений говорилось в сообщениях канд. филос. наук А. Х. Юнусова, В. М. Терехова, Р. Р. Каримова, З. Рахимовой. Канд. филос. наук К. Ж. Туленова посвятила свое сообщение возможностям социального предвидения. О научно-техническом потенциале и возможностях перестройки говорилось в докладах канд. экон. наук М. Н. Абдуллаева, канд. филос. наук Р. Р. Гафурова, А. Мавлянова.

Доклады, сделанные на 4-й секции; «Перестройка, активизация человеческого фактора как условие ускорения НТП» (руководители: доктора филос. наук О. П. Умурзакова, Х. П. Пулатов, К. И. Иванова, Х. А. Шайхова, М. А. Абдуллаев, канд. филос. наук И. С. Хашимова), — отразили разнообразие проблематики человеческого фактора в общественных науках. В выступлениях были представлены собственные возможности человеческого фактора в перестройке (канд. филос. наук Дж. Яхшилик, В. И. Зеленяна, О. Тохиров, Н. П. Саложин, К. З. Зухуров), возможности философской культуры личности (доктор филос. наук А. Н. Кочергин), общения с искусством (канд. филос. наук З. Л. Подольская), социальной справедливости (А. А. Шерматов) и организационной перестройки (канд. филос. наук В. Г. Черник). Отдельно были проанализированы проблемы поиска возможностей в женском вопросе (н. с. Д. А. Пулатова). Доктор филос. наук Х. А. Шайхова проанализировала в своем докладе роль социалистической культуры в обновлении общества. Доктор филос. наук М. Х. Тахтаходжаева говорила о возможности педагогики в перестройке системы высшего образования.

Связь возможностей человеческого фактора с религиозностью и атеистической работой прослеживалась в сообщениях канд. филос. наук В. И. Зеленяной и Д. М. Юнусовой. Различные формы активизации человеческого фактора затрагивались в выступлениях канд. филос. наук Ф. А. Камалова, Г. А. Хотинской, У. М. Абнлова, М. М. Маматова, И. А. Халикова, Л. П. Кустаревой, К. Е. Сигалова, М. Х. Ганиевой, К. Н. Назарова, С. С. Сангисева.

На проведенном в ходе конференции «круглом столе» были затронуты социальные проблемы. В частности, обсуждалась проблема кооперации в связи с ломкой старых хозяйственных стереотипов. Возможность перестройки в этом направлении, заявил акад. АН ЭССР Я. К. Ребане, заключается скорее в том, чтобы не давить администрированием личной инициативы работника и крестьянина. Современный анализ экономических отношений социализма предполагает системный подход, отмечал канд. филос. наук А. Дж. Шарипов, согласно которому они выступают как саморегулирующаяся экономическая среда, система, функционирование которой зависит от степени задействованности всех ее основных компонентов, прежде всего товарно-денежных отношений, рынка, конкуренции. Слабая эффективность этой системы в ее настоящем виде, на его взгляд, объясняется недействительностью последних. На «круглом столе», кроме того, обсуждались проблемы оценки и переоценки экономических достижений нашего общества.

На заключительном заседании конференция приняла рекомендации к теоретической и практической работе по результатам состоявшихся дискуссий и обсуждений. В частности, было указано на необходимость провести фундаментальные исследования по диалектике превращения возможности в действительность. Выявить скрытые возможности, превратить их в возможности реальные, а также исследовать условия перехода реальных возможностей в действительность — важнейшая задача философских и конкретных гуманитарных дисциплин в наши дни.

Описанная диалектика может послужить предпосылкой создания целостной философской концепции перестройки: она более конкретно укажет возможность в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса.

Не менее важна и проблема взаимодействия философии с социальной практикой, которая также зазвучала на конференции по-новому. Было отмечено, что ряд черт, типичных для развития марксистско-ленинской философии в прошедшие десятилетия,

свидетельствуют об оторванности философии от практики, о ее предубежденности против ряда социальных и личностных проблем.

Важнейшие возможности перестройки — возможности перестройки самой философии — науки, играющей ведущую роль в организации духовной жизни общества.

Конференция рекомендовала разработать на базе Института философии и права АН УзССР комплексную научную программу исследования проблематики возможностей перестройки.

М. М. Усманов, Н. Н. Кунденко

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ — 89»

19—20 апреля 1989 г. в Ташкенте состоялись «Историографические чтения», организованные Отделом историографии, источниковедения и археографии Института истории АН УзССР. К участию в Чтениях были приглашены сотрудники научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений Узбекистана, братских республик Средней Азии и Казахстана, а также Москвы и других городов. Чтения были организованы в связи с 20-летием со дня создания в Институте истории АН УзССР Отдела историографии.

Центральное место на Чтениях заняли вопросы методологии и методики историографии, выявления новых подходов в освещении исторических событий, проблемы организации исторической науки в условиях перестройки.

Чтения открыл вступительным словом вице-президент АН УзССР, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупов, отметивший возрастающее значение историографических исследований в современных условиях с учетом минусов и просчетов литературы, издававшейся в годы культа личности и застоя, когда историки вынуждены были создавать свои работы в трудной обстановке, не имея доступа к важнейшим архивным фондам, пользуясь искаженными, а то и просто фальсифицированными источниками. Перестройка требует от историков переосмысления многих периодов и событий нашего прошлого. Это возможно только на основе глубокого изучения источников. Без этого немислимы презывый анализ и правдивое освещение истории.

Сопоставление различных мнений участников Чтений будет содействовать формированию наиболее правильных взглядов на ряд узловых проблем истории Средней Азии и Казахстана.

Были заслушаны доклады д. и. н. Б. В. Лунина — «Историографические исследования в Узбекистане (Основные итоги, современное состояние, перспективы)» (Ташкент), д. и. н. Г. И. Желтовой — «Актуальные проблемы современной историографии Узбекистана» (Ташкент), к. и. н. В. А. Германова — «О некоторых перспективных направлениях развития историографических исследований в Узбекистане» (Ташкент), в которых даны обстоятельный и всесторонний анализ развития историографических исследований в Узбекистане, оценка пройденного пути.

Констатировалось, что историография в республике вновь обретает право гражданства и начинает занимать подобающее ей место в системе исторической науки, что в Узбекистане сложилась обширная группа исследователей, систематически ведущих работу в сфере историографии. Пробивает себе дорогу и источниковедение. Однако переоценивать достигнутое не следует. Историографическая тематика порой еще недостаточно целеустремленна, ей не хватает планового начала, организованности и скоординированности. Многие важные темы остаются вне поля зрения исследователей. В частности, давно назрела необходимость в создании фундаментальных работ по историографии археологических, антропологических и этнографических исследований в Узбекистане, истории изучения средних веков, по которым существует обширная и разнообразная, во многом дискуссионная литература, истории колониального периода, национально-освободительного и рабочего, революционного движения.

Представляется неотложным делом и подготовка капитальных историографических очерков, посвященных становлению и развитию исторических знаний в Узбекистане в 20-е годы и в другие периоды советской истории.

Перед историографами стоит особенно сложная и ответственная задача — внести свой весомый вклад в переосмысление и переоценку обширнейшей литературы по истории социалистического строительства периода культа личности и застоя.

В условиях перестройки организации исторических исследований в республике следует энергично разрабатывать рекомендации по вопросам стратегии развития историографии, определять ее приоритетные направления. Целесообразно образовать в составе Отдела историографии, источниковедения и археографии сектор зарубежной историографии. Большое значение имело бы создание республиканского исторического журнала.

Д. и. н. Н. Ф. Бугай (Москва) в докладе «Некоторые исторические аспекты изучения проблемы национальных отношений: новые подходы в освещении» обратил внимание на важность возрождения ленинской концепции развития наций и народностей в Советском государстве и национальной политики партии. Прежде всего нужно сосредоточить усилия на разработке таких глобальных проблем, как становление, раз-

витие и совершенствование социалистической федерации, национальные отношения на различных этапах развития многонационального государства, теория и практика межнациональных отношений, образование СССР, совершенствование национально-государственного устройства, социально-экономические особенности развития союзных и автономных республик, автономных областей и округов, национальные языки и культуры, экология. На конкретных примерах докладчик показал недостатки, ошибки, искажения в исследованиях предшествующих лет по национальной проблематике, отметив, что уже во второй половине 20-х годов началось свертывание изучения национальных процессов в СССР. Это вытекало из упрощенного, механического понимания взаимосвязи классового и национального. Этим и объясняется тот факт, что якобы окончательное решение национального вопроса и полная ликвидация фактического неравенства сняли в дальнейшем с повестки дня всю проблему национальных отношений. Были овещены и наметившиеся в литературе новые подходы в трактовке ряда проблем национально-государственного строительства и межнациональных отношений.

Д. и. н. Г. А. Хидоятов (Ташкент) в докладе «Источники и история», отметив растущий интерес советских людей к своему историческому прошлому, показал важную роль историографии и источниковедения в выявлении и устранении «белых пятен», формировании национального самосознания. Однако работа в области историографии и источниковедения довольно запущена. Требуются целенаправленные усилия по ее активизации. При этом важнейшее значение имеет подготовка специалистов по средневековой истории Средней Азии со знанием староузбекского и персидского языков.

Рассмотрению особенностей развития советской историографии Бухарской народной революции 1920 г. был посвящен доклад д. и. н. Ф. Х. Касымова (Бухара), в котором он обратил внимание на наименее изученные вопросы данной проблемы, в том числе такие, как история возникновения и развития демократического движения в Бухарском эмирате, в частности деятельность младобухарской партии. Что касается послереволюционного периода, то здесь необходимо сосредоточить усилия на изучении политической обстановки тех лет, когда шла острая борьба за выбор пути развития Бухарской Народной Советской Республики.

Д. и. н. П. Г. Ким (Ташкент) в докладе «Диалектика общепартийного и местного в документах КПСС» отметил, что активная разработка вопросов методики источниковедческих исследований выдвинула в качестве центральной проблему повышения информативной отдачи источников и в этой связи остановился на методике анализа документов съездов КПСС, раскрыв их значение как конкретных исторических источников по истории местных партийных организаций. Докладчик подчеркнул, что этот аспект изучения документов партийных съездов значительно отстает от разработки общенациональных проблем источниковедения истории КПСС.

К. и. н. И. М. Козыбаев (Алма-Ата) в докладе «Историческая наука: механизм торможения» указал на факторы, сдерживающие развитие советской исторической науки, в том числе ее региональных ветвей, на современном этапе. Истоки их следует искать в 30-х годах, когда была нарушена выработанная В. И. Лениным государственная политика в области общественных наук и негативные проявления в практике социалистического строительства сказались на общественном сознании, в научных исследованиях, когда произошла «сталинизация» исторического знания, давшая простор волюнтаризму и субъективизму и принизившая роль марксистско-ленинской общественной науки. Необходимо повысить роль историографии в преодолении механизма торможения в общественных науках, критическому переосмыслению всего предшествующего опыта развития советской исторической науки, определении приоритетных направлений научного поиска.

Д. и. н. А. М. Юлдашев (Ташкент) посвятил свой доклад проблемам историографии аграрного вопроса в колониальном Туркестане.

Нашла отражение в Чтениях и зарубежная историография. Так, о значении китайской историографии в изучении истории Средней Азии и Казахстана XII—XIV вв. говорил в своем докладе к. и. н. А. Ш. Кадырбаев (Алма-Ата). К. и. н. К. К. Шадиев (Ташкент) выступил с докладом «Зарубежное среднеазиатоведение о современных социально-экономических процессах в Узбекистане», в котором на ряде примеров показал, что гласность и перестройка в СССР, связанное с этим новое качество отношений со странами Запада привели к тому, что в отличие от карикатурных представлений времен «холодной войны» многоцветная информационная палитра конца 80-х годов позволяет Советскому Союзу и этим странам создать новый портрет друг друга.

К. и. н. Н. А. Аюбян (Ташкент) в докладе «Некоторые вопросы историографии культурного строительства в Узбекистане» указала на ряд проблем, требующих переосмысления и новых подходов в изучении, в частности таких, как история ликвидации неграмотности, кадровая политика в области культуры, культурный аспект женского вопроса, межнациональные отношения и др.

Степень изученности в исторической литературе деятельности профсоюза Всерабземлес в Средней Азии в 20—30-е годы и новые задачи в исследовании этого вопроса на современном этапе были раскрыты в докладе к. и. н. Ш. Ш. Шаралова (Ташкент).

Ряд выступлений были посвящены жизни и деятельности видных ученых Средней Азии в сфере гуманитарных наук — С. П. Толстова, Я. Г. Гулямова, М. Е. Мас-

сона, И. М. Петрушевского. С докладами по этому вопросу выступили д. и. н. И. М. Джаббаров (Ташкент), д. и. н. А. Р. Мухамеджанов (Самарканд), к. и. н. Г. Я. Дресвянская (Ташкент), д. и. н. Р. Г. Мужминова (Ташкент).

На заключительном заседании был заслушан доклад к. и. н. Л. М. Транаса (Ташкент) «К вопросу об информационном обеспечении исторических исследований». Докладчик отметил усиление роли науки в условиях НТР, а сложившаяся в настоящее время ситуация охарактеризовал как информационный взрыв. Остановившись на деятельности ЦНИОН АН УзССР, он констатировал, что центр еще не может полностью удовлетворить потребности в информации. Необходимы укрепление его материально-технической базы, расширение связей с информационными службами других республик и регионов и т. д.

По обсуждаемым проблемам был заслушан и целый ряд сообщений. Так, к. и. н. Б. А. Кошанов (Нукус) остановился на источниковедческом анализе произведений В. И. Ленина, изданных в виде листовок в Советском Туркестане, к. и. н. Л. Г. Левтеева (Ташкент) — на развитии исторических исследований в музее Узбекистана, преп. Т. К. Алланиязов (Джезказган) — на малоисследованных вопросах истории Советской Каракалпакии, асп. А. В. Махатаев (Ташкент) — на некоторых аспектах изучения организации исторической науки в Узбекистане на современном этапе, м. и. с. М. К. Хаджимухамедов (Ташкент) — на роли исторической литературы в формировании политической культуры учащейся молодежи.

С сообщениями о дореволюционной и советской историографии народных движений в XIX в. в Средней Азии и о «Рашахот айн ал-хайат» как источнике по изучению роли духовенства в Мавераннахре (XIV—XV вв.) выступили аспиранты Д. Х. Зияева (Ташкент) и Э. Э. Каримов (Ташкент).

Международным отношениям в республиках Средней Азии, деятельности Турккомиссии ВЦИК и ОНК РСФСР в отражении зарубежной историографии, освещению истории народов Средней Азии на страницах журнала «Остойропа» посвящали свои выступления м. и. с. А. Н. Белов (Ташкент), асп. Д. П. Темрходжаев (Ташкент), м. и. с. П. П. Воробьев (Ташкент).

Были рассмотрены и некоторые вопросы историографии общественно-политической и духовной жизни народов Средней Азии и Казахстана. В частности, вопросы историографии партийного и комсомольского строительства в республике осветили преп. Ш. Б. Мухамедов (Бухара) и асп. А. С. Татыбаев (Ташкент), интернациональных связей профсоюзов Средней Азии (20-е годы) — стажер-исследователь Т. И. Севостьянова (Ташкент), шефства рабочего класса над крестьянством — м. и. с. Р. Н. Шигабдинов (Ташкент), и к. и. н. В. Л. Лазарев (Ташкент), Международной организации помощи борцам революции в Узбекистане — м. и. с. С. Г. Варлашкин (Ташкент).

Активно обсуждались на Чтениях и вопросы освещения в литературе истории социально-экономической жизни народов Средней Азии и Казахстана в советский период. Выступавшие отмечали настоятельную необходимость освобождения от сложившихся стереотипов в освещении истории социалистического строительства в регионе, пересмотра ряда изживших себя положений концептуального характера. Так, в сообщении к. и. н. Л. С. Ивановой (Ташкент), осветившем итоги историографических исследований по проблемам новой экономической политики в Узбекистане, отмечалась как первоочередная задача — всестороннее и комплексное изучение эпа, создание фундаментального труда, в котором бы на региональных материалах наиболее полно раскрывалась сущность эпа как новой концепции строительства социализма. Состояние историографической работы по аграрной проблематике проанализировали к. и. н. А. Н. Нуритов (Ташкент), к. и. н. Ж. Б. Абылхожин (Алма-Ата), к. и. н. В. Л. Ланда (Ташкент), к. и. н. Т. К. Афанасьева (Ташкент), к. и. н. А. А. Раззаков (Ташкент), также отметившие ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения и новой интерпретации. В их числе — проблемы укладности в казахском ауле в переходный к социализму период, история коллективизации, раскулачивания, история политотделов, вопросы мелиорации и др. На проблемах изучения истории рабочего класса Средней Азии и Казахстана остановились в своих сообщениях к. и. н. В. Л. Гентшке (Ташкент), обратившая, в частности, внимание на необходимость расширения источниковой базы исследований по этой проблеме, более активного использования источников на национальных языках, а также Т. С. Култаев (Алма-Ата), аспиранты Р. Кулматов и Л. П. Самойлова.

Итоги и перспективы изучения женского вопроса в республиках Средней Азии были освещены к. и. н. Д. А. Алимовой (Ташкент), подчеркнувшей необходимость пересмотра существующих в исторической литературе оценок ряда вопросов женского движения, в частности, истории и роли женотделов в регионе, участия женщин в общественном производстве и общественно-политической жизни, их социальной защищенности. Для более глубокого исследования женской проблемы требуется создание регионального или республиканского научного центра.

Об освещении изменений социальной структуры населения Узбекистана в современной историографии, а также социального развития Советского Туркестана в 1917—1920 гг. в исторической литературе 20—30-х годов говорили в своих сообщениях к. и. н. З. Саидова (Бухара) и асп. В. А. Семенюта (Ташкент).

Заслушанные на Чтениях доклады и сообщения охватили широкий круг вопросов

историографии применительно к ее задачам в Средней Азии и Казахстане и свидетельствуют о нарастании историографической работы и, что особенно отраднo, о вовлечении в эту сферу более значительного числа молодых научных работников, специализирующихся в области историографии и источниковедения. В своей совокупности материалы Чтений послужат дополнительным и ценным вкладом в историографические исследования.

Вместе с тем доклады, сообщения и ход прений по ним отчетливо показали и наличие многих пробелов в тематике историографических исследований, порой их случайный характер, отсутствие плановых начал и координации в работе.

Участниками Чтений были обсуждены и приняты рекомендации, направленные на дальнейшее развитие и совершенствование историографических исследований в Средней Азии и Казахстане:

1. Поднять методологический уровень историографических исследований, обратить особое внимание на углубленное изучение и новое прочтение ленинского наследия по национально-колониальному вопросу, об особенностях рабочего, общедемократического, революционного движения, некапиталистического пути развития, социалистического строительства в конкретных условиях Средней Азии и Казахстана.

2. Рассматривать как одну из актуальных задач создание давно назревших фундаментальных работ по историографии археологических, антропологических и этнографических исследований в Узбекистане, истории средних веков, новой истории.

3. Констатировать необходимость нового историографического прочтения исторической и историко-экономической литературы 20-х годов, посвященной Средней Азии и Казахстану.

4. Усилить внимание историографов к аналитическому и объективному пересмотру наследия 30—70-х годов, прежде всего публикаций, освещающих историю индустриализации, коллективизации, культурной революции, осуществления ленинской национальной политики, изменения социальной структуры населения в регионе.

5. Обратит внимание специалистов на разработку в первую очередь наиболее актуальных проблем историографии истории Средней Азии и Казахстана, не нашедших пока освещения в литературе, что позволит придать исследованиям более планомерный и систематический характер и приобщит научную молодежь к историографической тематике.

6. Осуществлять систематическую публикацию научных биографий видных историков Средней Азии и Казахстана.

7. Активизировать работу по подготовке и изданию сборников текстов ранее неизвестных источников по наименее изученным и актуальным вопросам дореволюционной и советской истории Средней Азии и Казахстана.

8. Расширить подготовку историографов и источниковедов-специалистов в Академиях наук республик Средней Азии и Казахстана и университетах, через аспирантуру. Обратит особое внимание на подготовку специалистов со знанием старобухарского, персидского, арабского и других восточных языков.

9. Считать назревшим создание республиканского исторического журнала.

10. Для обеспечения планомерных и широких исследований зарубежной историографии Средней Азии и Казахстана организовать в составе Отдела историографии, источниковедения и археографии сектор зарубежной историографии.

11. В целях более широкого ознакомления специалистов и научной общественности с новейшими результатами историографических и источниковедческих исследований по истории Средней Азии и Казахстана в Советском Союзе и за рубежом проводить и впредь один раз в два года «Историографические чтения».

12. Следующие «Историографические чтения» специально посвятить задачам историографов в условиях перестройки и современного этапа развития советской исторической науки (методология и методика историографических исследований в новых условиях).

13. Опубликовать материалы Чтений в серии «Актуальные проблемы исторической науки».

Л. С. Иванова

МУНДАРИЖА

ҚПСС МКнинг миллатлараро муносабатларни такомиллаштириш масалаларига бағишланган Пленуми олдидан

М. Х. Каримов Ўзбекистоннинг ижтимоий-иқтисодий ривожланишидаги номутаносибликни бартараф қилишнинг баъзи бир муаммолари. 5

Ш. Р. Абдуллаева. Ўз-ўзини бошқариш ва ўз-ўзини маблағ билан таъминлаш шароитида маркетинг ролини ошириш 11

А. Н. Делиев, М. Х. Рустамбоев. Янги Ўзбекистон ССР Жиноят кодексини ишлаб чиқариш тўғрисида. 18

Тарих саҳифалари

К. Холбоев. Ўзбекистон ССРнинг ташкил топиши тарихи тўғрисида 22

Илмий ахборот

М. В. Қовшова. Янги техникани жорий этганлиги учун моддий рағбатлантириш масаласига доир 29

А. Б. Вильданова. XVI аср ва XIX асрнинг биринчи ярмида Ўрта Осиё шаҳарларида илм-фаннинг аҳволига доир (ЎзССР ФА Шарқшунослик институти Шарқ қўлэмалари фонди маълумотлари асосида) 32

М. Усанова. IX—XII асрларда Ўрта Осиёда тўқимачилик маҳсулотлари ишлаб чиқариш тарихидан («дибадж» матоси ҳақида) 36

Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

Ю. Ф. Буряков, А. А. Грицина. Шимолий Уструшананинг қадимий ёдгорликлари 40

Архив саҳифаларидан

Э. Х. Хожиев. XIX асрнинг бошларида Тошкент билан Россиянинг элчихоналараро алоқаларига доир янги ҳужжатлар 45

Манбашунослик

М. Н. Нуритдинов. Муҳаммад Шариф Бухорий асарларини ўрганишга доир. 48

Танқид ва тақриз

Х. А. Алиқулов, А. Ж. Шарипов, Н. А. Толипов. XIX аср ва XX аср бошларида Эронда ижтимоий фикр. 51

В. С. Соловьев, Т. Д. Аннаев. Шимолий Тохаристоннинг иль ўрта аср манзилгоҳлари 53

Янги китоблар

М. Худойқулов, А. Бўриев. О. Эшқуватов. Совет историографиясида (1918—1987) Осиё ва Африка мамлакатларида миллий-озодлик ҳаракати. 54

Хроника

М. М. Усмонов, Н. Н. Куиленко. «Илм-фани ривожлантириш ва илмий-техника тараққиётни жадаллаштиришнинг янги имкониятларини излаш диалектикаси»га бағишланган илмий-назарий конференция 55

Л. С. Иванова. «Историографик ўқишлар — 89». 58

СОДЕРЖАНИЕ

К Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР

М. Х. Каримов. Некоторые проблемы преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии Узбекистана	5
Ш. Р. Абдуллаева. Усиление роли маркетинга в условиях самоуправления и самофинансирования	11
А. Н. Делнев, М. Х. Рустамбаев. К разработке нового Уголовного кодекса Узбекской ССР	18

Страницы истории

К. Халбаев. О дате образования Узбекской ССР	22
--	----

Научные сообщения

М. В. Ковшова. К проблеме совершенствования материального стимулирования за внедрение новой техники	29
А. Б. Вильданова. О состоянии науки в среднеазиатских городах XVI — первой половины XIX века (По данным восточных рукописей из фонда ИВ АН УзССР)	32
М. Усанова. Из истории текстильного производства в Средней Азии IX—XII веков (О ткани «дибадж»)	36

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Ю. Ф. Буряков, А. А. Грицина. Античные памятники Северной Уструшаны	40
---	----

По страницам архивов

Э. Х. Ходжиев. Новые документы о посольских связях Ташкента с Россией в начале XIX века	45
---	----

Источниковедение

М. Н. Нурятдинов. К изучению трудов Мухаммада Шарифа Бухари	48
---	----

Критика и библиография

Х. А. Аликулов, А. Дж. Шарипов. Н. А. Талипов. Общественная мысль в Иране в XIX — начале XX вв.	51
В. С. Соловьев. Т. Д. Аннаев. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана	53

Новые книги

М. Худойкулов, А. Бурнев. О. Эшкuvatov. Национально-освободительное движение стран Азии и Африки в советской историографии (1918—1987 гг.	54
---	----

Хроника

М. М. Усманов, Н. Н. Кунденко. Научно-теоретическая конференция «Диалектика поиска новых возможностей в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса»	55
Л. С. Иванова. «Историографические чтения — 89»	58

НАШИ АВТОРЫ

- Буряков Ю. Ф.** — доктор исторических наук, зам. директора Института археологии АН УзССР.
- Ходжиев Э. Х.** — доктор исторических наук, зав. кафедрой истории СССР советского периода СамГУ им. А. Навои.
- Вильданова А. Б.** — кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Делиев А. Н.** — кандидат юридических наук, доцент ТВШ МВД СССР.
- Каримов М. Х.** — кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института истории СССР АН УзССР.
- Нуритдинов М. Н.** — кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Рустамбаев М. Х.** — кандидат юридических наук, доцент ТВШ МВД СССР.
- Халбаев К.** — кандидат исторических наук, доцент ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Грицина А. А.** — мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Усанова М.** — мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Ковшова М. В.** — ст. лаборант Института экономики АН УзССР.
- Абдуллаева Ш. Р.** — аспирант Института экономики АН УзССР.

ПОПРАВКА

В № 6 журнала за 1989 г. на с. 46, строка 30 сверху,
следует читать:
...предметной действительности (далее — по тексту).

Цена 65 к.

Индекс
75349